

Франц Куровски
Немецкая мотопехота. Боевые действия на
Восточном и Западном фронтах. 1941-1945

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609665

Немецкая мотопехота. Боевые действия на Восточном и Западном фронтах. 1941—1945 гг./
Пер. с нем. В.Д. Кайдалова.: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2370-1

Аннотация

В книге немецкого историка Франца Куровски рассказывается о развитии немецких вооруженных сил, в частности о такой их важной составляющей, как мотопехота, которую впервые на полях сражений стали применять германские войска еще в Первую мировую войну. Основное внимание Куровски уделяет воинским судьбам. Он создает семнадцать ярких запоминающихся очерков – биографий генералов, офицеров и простых стрелков-пехотинцев, удостоенных высших орденов Третьего рейха.

Содержание

Мотопехота	4
Генерал-лейтенант Гельмут Бойкеманн	15
Фельдфебель Рудольф Браше	26
Полковник Альберт Брукс	42
Подполковник Георг Файг	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Франц Куровски

Немецкая мотопехота. Боевые действия на Восточном и Западном фронтах

Мотопехота

Развитие современных вооруженных сил

Во второй половине Первой мировой войны фронты замерли на месте. Хотя противники Германии из всех сил пытались придать войне маневренный характер, все было безуспешно. Правда, время от времени применяя тогдашнее сенсационное средство ведения войны – танки, им удавалось прорывать германские фронтовые порядки и тем самым несколько нарушать сложившееся на фронтах положение. Однако значительных оперативных успехов из-за отсутствия особых мобильных подразделений – пехоты сопровождения, которая была бы подвижна в равной мере с танками и обладала бы значительной огневой мощностью, – достичь не удавалось.

Кавалерийские части могли бы сохранить необходимый темп движения и даже, как при Камбре¹, опередить танки, но их оперативная подвижность на поле боя снижалась не в последнюю очередь из-за заградительного огня и скорострельного вооружения пехоты.

Данная ситуация сделала очевидной для Генеральных штабов всех воюющих стран необходимость моторизации пехотных частей. И это положило начало формированию нового рода вооруженных сил – мотопехоты.

Стратегические функции мотопехоты теснейшим образом связывались с действиями танковых подразделений и определялись как «оружие поддержки».

В Англии Фуллер², имевший в тот период звание полковника, уже после Первой мировой войны разработал новую военную доктрину, базировавшуюся на опыте применения английских танков, которую он назвал «морская война на суше». Важной составляющей этой революционной тактики были моторизованные сухопутные части.

Имея такие части в полковых и дивизионных порядках, танковые соединения получили возможность осуществлять глубокий прорыв вражеского фронта, расширять его, а также достигать более удаленных его позиций, вплоть до дивизионных и армейских штабов противника. Наравне с танками, которые составляли стальной клин сил прорыва, должны были быть задействованы и все необходимые вспомогательные силы, прежде всего пехота и артиллерия.

Сэр Бэзил Лиделл Гарт, британский военный теоретик, несколько позже развил эту идею так: «Полностью моторизованные вооруженные силы должны быть по своим возмож-

¹ К а м б р е – город на севере Франции, на р. Шельда, в департаменте Нор. (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. пер.) Во время Первой мировой войны в августе 1914 года Камбре был захвачен немецкими войсками. 20–21 ноября 1917 года в районе Камбре 3-я английская армия силами 6 пехотных и 3 кавалерийских дивизий предприняла наступление против 2 немецких дивизий при поддержке 378 танков. Внезапность действий и большое превосходство в силах и средствах привели к быстрому прорыву немецкой обороны. Однако английское командование не сумело использовать успех: пехота и конница отстали, а вырвавшиеся вперед танки понесли большие потери. В результате с 22 ноября бои приняли позиционный характер, а 30 ноября – 6 декабря 2-я германская армия генерала Марвица (11 дивизий) нанесла внезапный и сильный контрудар и вернула большую часть потерянной территории, захватив много пленных. Сражение при Камбре является первым случаем массированного применения танков и зарождения противотанковой обороны.

² Ф у л л е р Джон Фредерик Чарлз (1878–1926) – английский военный историк и теоретик, генерал-майор. Участник Англо-бурской войны 1899–1902 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.

ностям сравнимы с самыми подвижными монгольскими конными силами» (времен Чингис-хана в 1241 году).

Первый практический опыт англичане получили в 1923 году в Ираке, когда войска под командованием генерала Линдсея подавили антибританское восстание, применив танки и моторизованные вспомогательные войска. Из этого эпизода британцы вынесли понимание того, что подвижным танковым силам должна придаваться столь же мобильная пехота.

Поэтому в Англии сразу после создания Королевского танкового корпуса усилиями британского Генерального штаба в 1927 году были созданы также и экспериментальные моторизованные подразделения пехоты. При создании этих сил был учтен опыт Иракской кампании.

Войсковые соединения располагали к этому времени уже пулеметными батальонами, которые стали прообразом позднейшей мотопехоты. Ее первые средства передвижения – полугусеничные вездеходы – не были бронированы.

Подобные войсковые формирования были введены и в США, тогда как в Англии они уже с 1928 года снова были упразднены. Причиной этому послужило мнение французских коллег, которое вскоре начало распространяться почти во всех армиях мира. Согласно взглядам тогдашних французских экспертов, танки во фронтовых порядках должны были применяться только для поддержки обычной пехоты. Подобная военная догма оказала негативное воздействие на развитие собственной тактики танковых формирований. Оперативное мышление подобного рода возникло еще во времена Первой мировой войны и позже обернулось катастрофическими последствиями как для Англии, так и для Франции.

Для сотысячных германских сухопутных вооруженных сил после проигранной Первой мировой войны всякая моторизация была запрещена. Тем не менее существовал план – пусть пока только и теоретически, – который предусматривал придание большей подвижности пехоте. План этот в основных его элементах был намечен в опубликованных статьях Гудериана. Стержнем его теоретических выкладок была мысль о том, что танковые войска могут только тогда достичь своей максимальной боевой эффективности, когда они действуют совместно с поддерживающими их родами войск, корреспондирующимися с ними как по проходимости, так и по скорости передвижения. Кроме того, в этих работах он отводил для моторизованной пехоты также и функцию защиты танков.

Разработкой своих идей Гудериан проложил новые пути, которым впоследствии суждено было сыграть громадное значение при создании моторизованной пехоты. Но только в 1931 году, когда Гудериан был назначен начальником штаба при инспекторе автомобильных частей, настало время для создания прообраза мотопехотных подразделений, пусть на первых порах только организационного.

Впервые автомобильные боевые части строились как «войска взаимодействия». В их состав входили не только боевые танки, но также и «стрелки», новые войсковые подразделения, в которых нашла свое воплощение также и соответствующая пехотная составляющая, и разведка. «Стрелковые» части стали предшественниками позднейших мотопехотинцев. Всем подобным воинским частям в качестве отличительного знака рода войск был присвоен розовый цвет.

Построенные подобным образом, танковые дивизии, согласно взглядам Генерального штаба сухопутных сил, должны были производить прорыв фронта противника и углубляться в его тыл, осуществляя там оперативное окружение и уничтожение окруженных вражеских сил.

По результатам первоначальных экспериментальных маневров в Мюнстере были созданы первые три германские танковые дивизии. Однако, кроме боевых слишком легких машин, к этому времени еще не существовало ни проходимых, ни бронированных средств

передвижения, которые могли бы быть принятыми на вооружение этих новых воинских подразделений.

Каждая часть танковой дивизии, организованная по пехотному принципу, была преобразована в стрелковую бригаду. Последняя состояла из стрелкового полка в составе двух батальонов и отдельного мотоциклетного стрелкового батальона.

В то время как стрелки передвигались на четырех-и шестиколесных транспортерах, автоматчики на мотоциклах с колясками были намного более подвижными и быстрыми.

Вскоре после трех танковых дивизий были созданы три легкие дивизии и четыре моторизованные дивизии. Главными составными элементами этих формирований являлись кавалерийские, стрелковые и пехотные моторизованные полки.

Вплоть до 22 июня 1941 года существовали следующие стрелковые и мотоциклетные части:

- 1-й стрелковый полк в Веймаре
- 2-й стрелковый полк в Вене
- 3-й стрелковый полк в Эберсвальде
- 12-й стрелковый полк в Майнингене
- 13-й стрелковый полк в Мэрих-Шёнберге и Ольмюце
- 14-й стрелковый полк в Оппельне и Ольмюце

Несколько позже первых трех германских танковых дивизий в Германии возникли также и легкие дивизии.

1-я легкая бригада была в 1938 году преобразована в 1-ю легкую дивизию и передана в кавалерию.

В 1938 году были сформированы нижеследующие легкие дивизии, состоявшие каждая из двух стрелково-кавалерийских полков. К ним относились:

- к 2-й легкой дивизии 6-й и 7-й стрелково-кавалерийские полки
- к 3-й легкой дивизии 8-й и 9-й стрелково-кавалерийские полки
- к 4-й легкой дивизии 10-й и 11-й стрелково-кавалерийские полки

Легкие дивизии носили знаки различия желтого цвета. Имея в своем составе оба стрелковых полка, они вдвое превосходили численный состав пехотных подразделений танковой дивизии.

Эти четыре легкие дивизии во время военной кампании на Западе действовали как 6, 7, 8 и 9-я танковые дивизии.

Пехотным моторизованным дивизиям, состоявшим из трех пехотных полков, был придан каждой еще один пехотный полк. После этого они стали 13, 20 и 29-й пехотными моторизованными дивизиями.

После образования 10-й танковой дивизии стрелковые формирования стали подразделяться на четыре вида.

С конца 1940 до начала 1941 года количество танковых дивизий выросло вдвое. Появились 11-я и 12-я танковые дивизии. К началу Русской кампании в составе имелось:

1-я стрелковая бригада, состоявшая из 1-го и 113-го стрелковых полков и 1-го мотоциклетного стрелкового батальона

2-я стрелковая бригада, состоявшая из 2-го и 304-го стрелковых полков и 2-го мотоциклетного стрелкового батальона

3-я стрелковая бригада, состоявшая из 3-го и 394-го стрелковых полков и 3-го мотоциклетного стрелкового батальона

4-я стрелковая бригада, состоявшая из 12-го и 33-го стрелковых полков и 34-го мотоциклетного стрелкового батальона

5-я стрелковая бригада, состоявшая из 13-го и 14-го стрелковых полков (сп) и 55-го мотоциклетного стрелкового батальона (мсб)

6-я стрелковая бригада в составе 5-го и 114-го сп и 6-го мсб

7-я стрелковая бригада в составе 6-го и 7-го сп и 7-го мсб

8-я стрелковая бригада в составе 8-го и 28-го сп и 8-го мсб

9-я стрелковая бригада в составе 10-го и 11-го сп и 59-го мсб

10-я стрелковая бригада в составе 69-го и 86-го сп и 10-го мсб

11-я стрелковая бригада в составе 110-го и 111-го сп и 61-го мсб

12-я стрелковая бригада в составе 5-го и 25-го сп и 22-го мсб

13-я стрелковая бригада в составе 55-го и 93-го сп и 43-го мсб

14-я стрелковая бригада в составе 103-го и 108-го сп и 64-го мсб

15-я стрелковая бригада в составе 115-го и 200-го сп и 15-го мсб

16-я стрелковая бригада в составе 64-го и 79-го сп и 16-го мсб

17-я стрелковая бригада в составе 40-го и 63-го сп и 17-го мсб

18-я стрелковая бригада в составе 52-го и 101-го сп и 18-го мсб

19-я стрелковая бригада в составе 73-го и 74-го сп и 19-го мсб

20-я стрелковая бригада в составе 59-го и 112-го сп и 20-го мсб

21-я стрелковая бригада в составе 104-го сп

Таким образом, количество стрелковых частей увеличилось более чем вдвое. К началу войны с Советским Союзом существовал уже 41 стрелковый полк.

Требование же танковых частей о прикрытии пехотой сопровождения наступления танков выполнено не было. Произошло это по двум причинам. Первая из них состояла в том, что к этому времени еще не существовало бронетранспортеров со стрелковым вооружением. Вторая крылась в назначении Гудериана командующим танковыми частями, в связи с чем он уже не имел никакого влияния на дальнейшее развитие созданных по его инициативе войск.

Какими же были тогда средства передвижения пехоты? На первых порах – шасси уже разработанного полугусеничного транспортного средства. Оно имелось в двух разновидностях – грузоподъемностью в одну и в три тонны. Тяжелое шасси грузоподъемностью три тонны с самого начала было рассчитано на установку более легкого корпуса. Толщина лобовой брони составляла около двенадцати миллиметров, бортовой – восемь. Это первое средство передвижения могло транспортировать девять человек. Оно представляло собой компромиссное решение и не отвечало требованиям мотопехоты.

В то время ставилась только одна цель – доставить с помощью этого транспортного средства пехоту сопровождения на поле боя. Там она должна была высаживаться и вести бой. Предполагалось, что позднее данный тип транспортного средства будет применен также и для ведения вооруженной борьбы на поле боя. Однако до выполнения подобных задач вырасти ему не было суждено.

Шасси грузоподъемностью в одну тонну было позднее применено для создания легкого бронетранспортера и преимущественно самоходного миномета. Ими же в танковых войсках были оснащены стрелковые роты частей сопровождения.

В ходе Польской кампании высокая ударная мощь и многосторонность применения крупных бронетанковых и моторизованных соединений были поставлены под сомнение. Во всяком случае, все стрелки действовали на поле боя, только высадившись из транспортных

средств. И лишь первая рота 1-го стрелкового полка (1-й танковой дивизии) приобрела боевой опыт ведения войны с борта транспортера.

В историю развития стрелковых, а впоследствии мотопехотных войск война с Польшей внесла свои коррективы. Легкие дивизии были усилены еще одним-двумя танковыми дивизионами и переименованы в танковые дивизии, хотя имели в своем составе четыре стрелковых батальона, так что пехотный элемент был в них представлен сильнее, чем в прежних танковых дивизиях.

Весь полученный опыт обобщен зимой 1939/40 года. В ходе маневров отрабатывались совместные действия пехоты и танков при наступлении на улицах населенных пунктов, частью тщательно разработанных программ учений стали броски на открытой местности. Вместо пока еще отсутствовавших броневых щитков на транспортерах использовали мешки с песком. Миномет устанавливался таким образом, чтобы он мог быть снят с транспортного средства.

Поскольку обнаружилось, что огневая мощь стрелковой роты явно недостаточна, было удвоено количество пулеметов в каждой роте, а танковые дивизии получили дополнительный стрелковый батальон. Таким образом, наиболее оснащенная 1-я танковая дивизия стала располагать стрелковым полком трехбатальонного состава. На 15 рот в нем приходилось 7 транспортеров. Все другие дивизии располагали по крайней мере одним транспортером на роту. На вооружении стрелковой роты состояло не менее 18 ручных пулеметов, 2 тяжелых и 3 легких миномета. Стрелковой бригаде была подчинена одна стрелково-пехотная рота с шестью тяжелыми 150-миллиметровыми орудиями.

Последующие варианты транспортеров были вооружены даже 37-миллиметровыми противотанковыми орудиями. Это повышение огневой мощи стало ощутимо уже во Франции. На первом этапе войны танки могли в необходимых случаях очень быстро получить поддержку пехоты.

Поддержка стрелковых частей оказалась весьма действенной в ходе успешного наступления в Арденнах, форсирования Мааса и прорыва линии Мажино³ в районе Седана. Лишь после прикрытия протяженных флангов силами стрелков стал возможен глубокий прорыв немецких танков.

Уже в ходе боев во Франции имело место применение стрелков с борта транспортера. Оно продемонстрировало, что тесное взаимодействие с танками позволяет значительно сократить потери пехоты.

В других моторизованных частях пехотинцы, попав под вражеский огонь, спешили и тем самым лишались возможности выдерживать темп наступления танков. Из-за этого они входили в прорыв фронта слишком поздно и были вынуждены снова пробивать восстановленное сопротивление врага.

Если же танки снижали темп движения для того, чтобыдвигающиеся пешим шагом стрелки могли следовать в их боевых порядках, то в значительной степени терялись их существенные преимущества – скорость и внезапность.

По результатам кампании во Франции были сделаны выводы, что уровень моторизации все еще очень низок и что взаимодействие с танками недостаточно отработано. Из этого вытекала необходимость интенсифицировать обучение и увеличить количество бронированных средств передвижения.

Тройное деление пехоты на моторизованные стрелковые, кавалерийско-стрелковые и стрелковые полки – в дальнейшем пехотные – с тремя различными инспекциями было при-

³ Л и н и я М а ж и н о – система французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Лонгйюна протяженностью около 380 км. Построена по предложению военного министра А. Мажино в 1929–1934 гг., совершенствовалась до 1940 г.

знано устаревшим. Равным образом обучение в трех различных училищах (пехотном училище в Дёберице, училище танковых войск в Вюнсдорфе и кавалерийском училище Крампниц) имело свои негативные последствия.

Исходя из полученного опыта, Верховное командование сухопутных сил решило усилить мобильные силы.

В первые месяцы войны с Россией в войсках, благодаря которым германские сухопутные силы добились небывалых успехов, царило всеобщее воодушевление.

На первом этапе войны стрелки, по крайней мере находившиеся в бронетранспортерах (БТР), смогли получить ценнейший опыт. БТРы уже были оснащены броневыми листами, станками для установки единых пулеметов и дополнительно 37-миллиметровыми противотанковыми орудиями. Отдельные танковые дивизии также были укомплектованы такими батальонами на БТРах, что значительно повысило боевую мощь этих новых войск. Соизмеримая мобильность, бронирование транспортного средства и непосредственная связь по радио дали возможность стрелкам двигаться вместе с танками. В ходе совместно проводимых операций танки и мотострелки могли совершать глубокий прорыв обороны противника. Позднее, когда сопротивление врага значительно усилилось и стали возникать танковые «рукопашные» бои, мотострелки оказались неоценимыми помощниками танковых подразделений.

И все же, когда местность была труднопроходимой либо начиналась распутица, БТРы можно было применять весьма ограниченно. Что же касается других транспортных средств, таких как мотоциклы, грузовые автомобили и т. п., то в периоды распутицы любое передвижение для них исключалось.

Позднее, вследствие трудностей со снабжением запасными частями и горючим суровой зимой 1941/42 года, стрелкам – и даже части экипажей танков – приходилось покидать свои боевые машины и занимать место в траншеях, сражаясь там рядом с обычными солдатами. Лишь немногие оставшиеся на ходу танки или БТРы сохранялись как своего рода «горячий резерв».

Проблемы технического снабжения этих родов войск оставались практически неразрешимыми вплоть до начала 1942 года. Только тогда в танковые дивизии стали поступать новые бронетранспортеры, и появилась возможность укомплектовать все танковые дивизии по крайней мере одним мотострелковым батальоном.

5 июля 1942 года было осуществлено новое преобразование. Все стрелковые полки были переименованы в мотострелковые и получили единый цвет знаков различия – салатный, тогда как солдаты пехотных дивизий сохранили свой прежний белый цвет.

В разгар лета 1942 года началось новое германское наступление. Почти до самого его начала не удавалось полностью укомплектовать обученными экипажами поступившие незадолго до этого новые БТРы. Тем не менее после первых же сражений в войсках появилось доверие к новому оружию, и боевой счет мотострелков рос с каждой неделей. К этому моменту удалось развить успехи предыдущего года. Группа армий «Юг» смогла продвигаться до Волги и северных предгорий Кавказа.

В совместных боевых действиях с танковыми подразделениями мотострелки обладали, разумеется, куда большими подвижностью и обзором, чем их товарищи в танках, которые могли видеть поле боя лишь через небольшую смотровую щель. Поэтому мотострелки могли скорее обнаружить и распознать вражеские противотанковые орудия, а также заметить готовящуюся в глубине вражеской обороны контратаку и отразить ее.

Оперативная радиосвязь командира роты мотопехотинцев с командирами танковых отделений и танковых рот позволяла быстро согласовывать свои действия на поле боя, а при необходимости также направлять огонь танков.

Из накопленного боевого опыта родилась тактика ведения боя и организации совместной обороны. Танковые экипажи должны были стараться защищать своих мотопехотинцев от вражеских танков и огня противотанковой артиллерии, помогать им овладевать укрепленными узлами сопротивления. Мотопехотинцы, в свою очередь, также должны были оберегать своих боевых товарищей от вражеских истребителей танков, в особенности при действиях в лесистой местности или в городской застройке. При этом они должны были обозначать минные поля и устранять противотанковые заграждения.

На этом этапе войны перед мотопехотинцами стояла задача вести сражение, по преимуществу оставаясь в своей боевой машине. Их бронетранспортеры были, образно говоря, их главным оружием, и быстрые, маневренные действия на поле боя обеспечивали успех. Высаживаться из БТРа они должны были только тогда, когда их вынуждала к этому неблагоприятная ситуация. Таким образом, танковые войска получили в свое распоряжение дополнительное оружие, которое было им весьма необходимо, и все танкисты видели в мотопехотинцах полноценный род войск.

Для повышения огневой мощи мотострелковых подразделений начиная с 1942 года они оснащались недавно разработанным единым пулеметом МГ-42, который благодаря своей скорострельности в 1500 выстрелов в минуту получил на солдатском жаргоне столь же меткое, сколь и зловещее прозвище «Knochensäge»⁴.

Мотопехотинцы применяли это новое оружие с неизменным успехом. Тогда же были четко сформулированы основные принципы боевого использования мотопехотинцев. Для использования соединений мотопехоты необходимо обладать развитым мышлением, умением быстро принимать решения и способностью эти решения формулировать в краткие приказы, отдаваемые по радио. Подтверждениями отдаваемых приказов служили выстрел из ракетницы или трассирующими пулями в нужном направлении, знаки, подаваемые рукой или сигнальным флажком, а также по возможности более частые переговоры с командованием и подчиненными до и во время сражения. Это было временем рождения языка сражений.

После того как первые БТРы были оснащены короткоствольным 75-миллиметровым орудием, а на отдельные машины даже были установлены 280-миллиметровые минометы, открылись возможности для самостоятельного применения батальонов мотопехоты: они могли вести разведку боем, патрульное наблюдение на рубежах безопасности, предпринимать неожиданные атаки на тылы и фланги противника, обеспечивать защиту собственных флангов и в качестве передовых отрядов занимать участки местности, важные в тактическом отношении. В подобных случаях они должны были усиливаться еще танками или штурмовыми орудиями, то есть иметь в своем распоряжении оружие для борьбы с бронированными целями.

Зимой 1942/43 года германские мотопехотинцы снова сражались «в пешем строю», так как инициатива перешла к противнику.

Весной 1943 года для молодого рода войск – мотопехоты – наступил новый этап развития. Генерал-полковник Хайнц Гудериан после временного отстранения от дел в декабре 1941 года теперь получил назначение на должность генерального инспектора танковых войск. Одно из его первых начинаний состояло в том, чтобы повысить боеспособность танковых и мотопехотных дивизий, сэкономив при этом личный состав и материалы. Осмысливая весь свой предыдущий опыт сражений, он пришел к выводу о необходимости по-новому организовать структуру мотопехотного полка. Все подразделения батальонов БТРов, по его

⁴ Костная пила (нем.) (имеется в виду хирургический инструмент для ампутации).

замыслу, должны были получить усиленную огневую мощь. Поэтому теперь вооружение мотопехотной роты стало следующим:

30 ручных пулеметов, то есть по три на каждый БТР с отделением мотострелков (в том числе один ручной пулемет со складным прикладом);

4 станковых пулемета на два БТРа, каждый из которых представляет собой подвижную пулеметную точку;

2 средних 81-миллиметровых миномета на два БТРа, объединенных в одну батарею;

3 противотанковых орудия калибра 37 миллиметров, по одному на каждом БТРе командира взвода в качестве курсового орудия.

Кроме перечисленного, мотопехотный полк имел на своем вооружении на каждый взвод по одному огнеметному танку, дальность огнеметания которого составляла 60 метров. Все вооружение, включая самое тяжелое, могло вести огонь с борта БТРа, что значительно сокращало время подготовки к открытию огня. Но оно могло также применяться «спешенно» и действовать полностью автономно.

Наряду с этим было ускорено создание новых БТРов, которые применялись не только мотопехотой, но и артиллеристами, саперами, зенитчиками и фронтовыми разведчиками. Вообще, подобные боевые машины могли применяться на фронте примерно в двадцати различных целях.

С 1 апреля 1943 года в составе частей мобильных войск был создан род войск под названием «танковые части». В их состав были включены не только мотопехотные части, но также и *обычные* пехотные и стрелковые полки.

В ходе этих преобразований было предложено включить в состав механизированных войск моторизованную пехоту, как это рекомендовалось генерал-полковником Гудерианом еще до начала войны. Для координации действий отдельных воинских подразделений при Генеральном штабе сухопутных сил была создана Генеральная инспекция танковых частей. Во главе ее встал генерал-полковник Гудериан.

Моторизованные пехотные дивизии были теперь переименованы в мотострелковые дивизии. После слияния моторизованных пехотных полков с мотострелковыми войсками преобразования подошли к концу и завершились переименованием моторизованных пехотных полков в мотострелковые полки. Первыми были переименованы 15-я и 90-я пехотные дивизии, которые стали мотопехотными полками.

4 октября 1943 года в новый род войск «танковые части» были включены следующие моторизованные пехотные полки:

Мотопехотная дивизия «Великая Германия»	Мотопехотный полк «Великая Германия» Мотострелковый полк «Великая Германия»
Мотопехотная дивизия «ФХ»	Мотопехотный полк «ФХ» Мотострелковый полк «ФХ»
3-я мотопехотная дивизия	8-й мотопехотный полк 29-й мотострелковый полк
10-я мотопехотная дивизия	20-й мотопехотный полк 41-й мотострелковый полк
15-я мотопехотная дивизия	104-й мотопехотный полк 115-й мотопехотный полк 129-й мотопехотный полк
16-я мотопехотная дивизия	60-й мотопехотный полк 150-й мотопехотный полк
18-я мотопехотная дивизия	30-й мотопехотный полк 51-й мотопехотный полк
20-я мотопехотная дивизия	76-й мотопехотный полк 90-й мотопехотный полк
25-я мотопехотная дивизия	35-й мотопехотный полк 119-й мотопехотный полк
29-я мотопехотная дивизия	15-й мотопехотный полк 71-й мотопехотный полк
90-я мотопехотная дивизия	155-й мотопехотный полк 200-й мотопехотный полк 361-й мотопехотный полк
Мотопехотная дивизия «БР»	Мотострелковый полк «БР»-1 Мотострелковый полк «БР»-2 Мотострелковый полк «БР»-3 Мотострелковый полк «БР»-4

Но что особенно важно, новой Генеральной инспекции танковых войск удалось наладить интенсивное обучение личного состава с учетом новейшего опыта и требований. В дальнейшем эти знания закреплялись в ходе выполнения учебных и боевых задач и передавались другим частям.

В информационных бюллетенях Генеральной инспекции танковых войск обобщался и распространялся опыт сражений. Офицеры мотопехоты, следующие с фронта в госпиталь или возвращающиеся оттуда, проходили через Генеральную инспекцию, где их просили доложить об их мнении по поводу оружия, снаряжения, боевой тактики и организации. На основании подобных докладов издавались краткие информационные листки, где описания действий подразделений были сведены в две простые для восприятия категории «правильно» и «неправильно».

Ротные, батальонные и полковые командиры мотопехоты знакомились с тактикой применения своих войск на четырехнедельных курсах в училище танковых войск № 1. Были организованы постоянно действующие курсы. А то значение, которое придавал обучению офицеров мотопехоты генерал-полковник Гудериан, нашло свое выражение в организации училища танковых войск № 2 на базе бывшего кавалерийского училища.

Война все же зашла слишком далеко. За катастрофой под Сталинградом в июле 1943 года разразилась битва при Курске, закончившаяся поражением германских войск. В ходе ее выяснилось, что численность германской пехоты недостаточна, чтобы прорвать заслон русской противотанковой артиллерии. Массы наступавшей совместно с танками мотопехоты должны были также идти в бой пешими, контакт с танками был потерян, что и стало причиной их поражения.

Наступавшие боевые машины были вынуждены постоянно останавливаться, поджидая подхода отстававших мотопехотинцев. Эти задержки давали противнику время, необходимое для подтягивания резервов и усиления противотанковой обороны. Порой танкам даже приходилось разворачиваться, поскольку в тылу у них снова вспыхивало сопротивление противника, с которым не удавалось справиться мотопехоте. К тому же там, где на открытых пространствах наши танки сталкивались с танками противника, наши боевые машины действовали без оперативной поддержки «высаженных» мотопехотинцев.

Однако не только на полях сражений под Курском, но и на других участках фронта ощущалась нехватка мотопехотинцев. Наступило такое время, когда танкисты и мотопехотинцы должны были уже в состоянии подвижной обороны закрывать бреши фронта или ликвидировать прорывы неприятеля.

Решающие военные события 1944 года были связаны с вторжением союзников в Северную Францию и с летним наступлением русских.

В Нормандии еще было возможно сосредоточенное применение бронетанковых соединений, если бы воздушное пространство – по крайней мере, временно – оставалось бы свободным от авиации противоборствующих сторон, что едва было вероятным. Танковые дивизии со своими двумя полками мотопехоты испытали это на своей собственной шкуре, понеся при этом значительные потери. Но в последующих победоносных боях было снова продемонстрировано, что тактика сражений, применяемая танкистами и мотопехотинцами, в состоянии доставить вражеской пехоте серьезные проблемы.

На Востоке в ходе быстрого отступления группы армий «Центр» и форсированного наступления русских летом 1944 года мотопехотинцы проявили себя как незаменимая подмога танковым экипажам. Им удалось задержать лавину русских армий и сохранить своим соседним дивизиям путь на Запад открытым, причем без значительных потерь.

В последний раз германские танковые и мотопехотные части действовали совместно в ходе наступления в Арденнах. Именно здесь, в труднейших условиях гористой местности, вновь была доказана вся тактическая ценность этого рода войск. Во многих случаях БТРы, несмотря на свои технические несовершенства, действовали гораздо успешнее танков.

Из опыта боев в Арденнах, также как и из опыта всех предшествовавших сражений, напрашивался вывод о необходимости формирования бронетанковых подразделений, состоящих из танков и мотопехоты. Эти формирования представляли собой ударный клин тан-

ковых дивизий. Часто, дополненные подразделениями противотанковой артиллерии и саперами, они достигали апогея по огневой мощи, маневренности и ударной силе. Благодаря таким подразделениям часто удавалось уравнивать локальное превосходство противника.

Именно поэтому генерал-полковник Гудериан также предусмотрел в разработанном им боевом порядке «Танковой дивизии 1945» организацию танкового полка, состоящего из одного танкового батальона и одного мотострелкового батальона.

Растущая мощь мотопехоты на заключительном этапе войны ограничивалась, естественно, значительно снизившимися возможностями промышленности. Сказывалась также нехватка опытных офицеров, сержантов и полностью обученных рядовых. Громадные потери в рядах этого рода войск не могли быть восполнены ничем.

Исходя из статистических данных тех времен были высчитаны средние сроки пребывания в рядах личного состава:

- батальонный командир – 30 дней;
- ротный офицер – 21 день;
- командир взвода – 7 дней.

Мотопехотинцы сражались самоотверженно. В заключительные месяцы Второй мировой среди 169 награжденных в 1945 году дубовыми листьями к Рыцарскому кресту было 49 мотопехотинцев и пехотинцев.

В этот период войны мотопехотинцы действовали на всех фронтах. Они успешно сражались в арьергардных боях во Франции, России и Италии, в Польше и Восточной Пруссии, вплоть до последних дней, но так и не смогли оказать никакого влияния на ее исход. По большей части им приходилось сражаться в «пешем» строю, так как у них оставались лишь немногие исправные БТРы. Да и оснащение некоторого числа БТРов в мотопехотных батальонах 75-миллиметровым оружием не могло компенсировать постоянной убыли личного состава. Генерал-майор в отставке Оскар Мюнцель так описывал боевую деятельность мотопехотинцев:

«Оглядываясь назад, можно сказать, что личный состав этого нового рода войск⁵, который развил и успешно применил на практике боевой опыт, неизвестный в иностранных армиях, может по праву гордиться своими свершениями. Их боевые успехи были тесно связаны с успехами танковых войск, и в составе бронетанковых сил тогдашнего вермахта они завоевали себе особое, почетное место».

⁵ С 16 марта 1959 г. все пехотные части бундесвера получили название «мотопехота».

Генерал-лейтенант Гельмут Бойкеманн Солдат и полководец двух мировых войн

Гельмут Бойкеманн родился 9 мая 1894 года в Гамбурге в семье директора тогдашнего статистического бюро. Сдав экзамены за курс гуманитарной гимназии имени Вильгельма, он в начале 1914 года стал штандарт-юнкером 165-го пехотного полка в Кведлинбурге.

В составе бригады под командованием Людендорфа он участвовал в броске на Льеж, за что был награжден Железным крестом 2-го класса и был произведен в октябре 1914 года – с предварительным производством 19 февраля 1913 года – в звание лейтенанта. Он также участвовал во всех без исключения сражениях своего полка во Франции. За успешное проведение крупной патрульной операции 23 мая 1916 года он был награжден Железным крестом 1-го класса.

За действия в ходе наступательных и оборонительных боев 1918 года Бойкеманн, только что произведенный в старшие лейтенанты, был награжден Рыцарским крестом королевского дома Гогенцоллернов с мечами. К концу войны он стал полковым адъютантом и позднее перешел в рейхсвер⁶. В течение двух десятилетий он служил в Кведлинбурге, до 1926 года в должности командира взвода 8-й пулеметной роты 12-го пехотного полка, а затем командиром 6-й и позднее 8-й пулеметной роты. К этому времени 1 февраля 1928 года он был произведен в звание капитана.

После восьми лет службы в качестве командира роты капитан Бойкеманн был приглашен 1 октября 1934 года преподавателем тактики в Мюнхенское военное училище. Через два месяца он получил звание майора. В эти годы судьба свела его с многими молодыми людьми. Преподавая в военном училище, он получил 1 октября 1937 года звание подполковника, а с 10 ноября 1938 года вернулся в строй, став командиром 1-го батальона 89-го пехотного полка в Шверине.

В июле 1939 года этот батальон в составе 12-й пехотной дивизии был переброшен морем на усиление 1-го армейского корпуса в Кенигсберг, столицу Восточной Пруссии.

В составе 1-й армии подполковник принял участие в войне с Польшей. Боевые дороги привели его подразделение на равнину западнее Танненберга, в междуречье Нарева и Буга, на Варшавский фронт.

За участие в этих боях подполковник Бойкеманн был награжден почетными пряжками к двум Железным крестам. Уже в Польше своими искусными и решительными боевыми действиями он доказал, что ему могут быть доверены и более масштабные задания. И 13 января 1940 года он был назначен командиром 382-го пехотного полка. Вверенный ему полк он провел через два с половиной года тяжелых боев.

Вплоть до начала войны с Францией полк находился на учебном поле под Кёнигсбрюком и служил в качестве учебного подразделения для подготовки командиров батальонов в составе 164-й пехотной дивизии.

В ходе Французской кампании он вошел в состав 12-й армии и был передислоцирован в Реймс в качестве оккупационного гарнизона. Здесь 1 сентября 1940 года Бойкеманн получил звание полковника.

До конца этого года его полк оставался во Франции: сначала в Реймсе, потом у Ламанша и, наконец, в Вогезах. Во время пребывания в Вогезах 164-я пехотная дивизия была преобразована в легкую горную дивизию и в начале января 1941 года переброшена в Румы-

⁶ Р е й х с в е р (нем. Reichswehr, от Reich – государство, империя и Wehr – оружие, оборона) – вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг., созданные на основе Версальского мирного договора 1919 г.

нию, в район южнее Бухареста, а чуть позднее сосредоточена в местечке Гиоргиу для форсирования Дуная и вступления в Болгарию.

Переброска германских войск на Балканы была предпринята, поскольку все большее сосредоточение войсковых контингентов на Ближнем Востоке, высадка английских войск на Крите, а потом и на материковом побережье Греции представляли собой угрозу южному флангу Германии. Не в последнюю очередь это было вызвано также и необходимостью обезопасить важные для Германии месторождения нефти в Румынии, а также оказанием помощи союзнику Германии по пакту стран оси – Италии, неудача которой в Албании и на греческой границе приняла катастрофические размеры. Но прежде всего это было необходимо из-за начатой Верховным командованием подготовки к войне с Советским Союзом. Из этого же вытекали необходимость сковывания сильного английского воинского контингента и ослабления английского фронта в Африке, а также снятие давления на итало-германские войска в Северной Африке.

В начале марта 1941 года 164-я легкая дивизия – так она именовалась теперь – осуществила санкционированное болгарской стороной форсирование Дуная. На участке форсирования река имела в ширину более 1000 метров. Полковнику Бойкеманну это обстоятельство создало значительные трудности, с которыми он большей частью успешно справился.

Продвижение через покрытый глубоким снегом перевал на Шипке по направлению к болгарско-греческой границе было также нелегким испытанием для пехотинцев 382-го полка.

Граница на участке фронта дивизии проходила южнее Пловдива – бывшего Филиппополя – по горному хребту Родоп на высоте до 2000 метров.

Впервые артиллеристам дивизии пришлось перебрасывать свои орудия через высокие горы на гужевой тяге. Кроме лошадей на этом марше использовались также буйволы.

В авангарде дивизии шел 382-й пехотный полк. Когда он вышел на границу, полковник Бойкеманн сразу же отправился проводить рекогносцировку местности, возглавив группу офицеров. Греческая линия Метаксоса тогда еще была загадкой.

В предутренних сумерках 6 апреля 1941 года полковник Бойкеманн отдал приказ о наступлении. Сопротивление греческой пограничной охраны было подавлено солдатами 2-го батальона под командованием подполковника Гайслера. Полку пришлось преодолеть семь разрушенных мостов, многочисленные искусственные препятствия и обширное минное поле, прежде чем 2-й батальон, двигавшийся в авангарде, после 20-километрового марша достиг северных окрестностей города Эхинос.

Внезапно солдаты попали под сильный огонь. Полковник Бойкеманн, остановившийся на вершине высоты 785, увидел, что из амбразур многочисленных дотов, построенных в этом районе, вырывается пламя пулеметных выстрелов.

– Работают по крайней мере двадцать дотов, господин полковник! – доложил его адъютант лейтенант Мандель.

Вскоре после этого поступило еще одно донесение:

– Остановлены сильным вражеским огнем из-за уличных баррикад!

Он сразу же понял, что лобовой штурм приведет к излишне тяжелым потерям.

– Прекратить наступление! Залечь в укрытиях! – отдал приказ Бойкеманн. – Посылаю 3-й батальон в обход противника!

Связавшись с 3-м батальоном, шедшим во втором эшелоне, он приказал майору Фетту приготовиться к наступлению с широким охватом противника восточнее высоты 785.

– Мы наступать не будем, но поддержим вас отсюда противотанковой, зенитной и частью полевой артиллерии дивизии, – отдал он распоряжение.

Несколько позже Бойкеманн проследовал в расположение 1-го батальона, который был в арьергарде. Он приказал батальону отойти с прежнего маршрута движения. Солдаты

должны были подняться по горным тропам на высокогорье, сконцентрироваться западнее Эхиноса, оттуда снова выйти на прежний маршрут движения и из этого пункта пойти в атаку на Ксанти.

Бойкеманн, который тотчас же снова вернулся к Эхиносу, рассчитывал на то, что сил 1-го батальона будет вполне достаточно, чтобы взять Ксанти. Сразу же вслед за этим он должен был повернуть на прибрежную равнину и взять под свой контроль переправу Токсоте. Весь полк должен был подтянуться к переправе позже.

Разумеется, весь этот план мог быть реализован только в том случае, если бы двум оставшимся батальонам удалось подавить укрепленные огневые точки у высоты 785 и очистить дорогу к цели.

Подошедшие зенитные и противотанковые орудия, а также полевую артиллерию и саперную команду полковник Бойкеманн взял под свое командование и отдал приказ о начале атаки.

Теперь все тяжелые орудия вели огонь по скальным дотам, чье местоположение было установлено по пламени выстрелов из амбразур. В ходе этой атаки 88-миллиметровые зенитные орудия подавили четыре бункера. Затем в атаку пошли пехотинцы, которых вел лично Бойкеманн. Солдаты отвоевывали пространство метр за метром. Саперы взрывали гнезда сопротивления. Был определен и подавлен сосредоточенным огнем командный пункт неприятеля. Вся укрепленная линия была выведена из строя незадолго до наступления темноты несколькими прямыми попаданиями.

Примерно половина укреплений была занята пехотинцами ближе к наступлению темноты, когда было получено радиодонесение от 1-го батальона, которое гласило: «1-й батальон занял Ксанти. Город в наших руках».

– Направить парламентаря к коменданту укрепленного района! – отдал приказ полковник Бойкеманн.

Идти парламентарем вызвался офицер из штаба полка. Он направился в укрепление, размахивая белым флагом, и был препровожден к греческому полковнику. Офицер сообщил коменданту о безвыходности его положения и потребовал капитуляции на почетных условиях.

Полковник-грек уже получил по радио известие о том, что Ксанти – его командный пункт – в руках немцев, и согласился на капитуляцию.

На рассвете следующего дня полковник Бойкеманн увидел белые флаги, которые развевались над еще не занятыми укреплениями. Спустя некоторое время из них стали выходить безоружные защитники крепости. И лишь теперь Бойкеманн узнал, что укрепленный пункт Эхинос состоял из высоко расположенного основного бункера и трех разнесенных узлов сопротивления. В отдельных частично заглубленных в скалы дотах и стрелковых ячейках, которые были связаны между собой туннелями и ходами сообщения, держали оборону около 600 греческих солдат. Необходимо было быстро развивать успех, и Бойкеманн приказал:

– Второй батальон выступает немедленно! Направление удара – город Ставрополис на Нестосе.

Тем временем пали Салоники, а в первой половине дня 10 апреля Верховное командование армии Восточной Македонии подписало безоговорочную капитуляцию.

Немалая заслуга в этом принадлежала 382-му пехотному полку, который сломил сопротивление важнейшего узла противостояния противника и тем самым изъял главную опору всей обороны врага.

За проявленные в этом сражении решительность в критической ситуации и принимая во внимание значение одержанной под его командованием победы, Бойкеманн был награж-

ден Рыцарским крестом, врученным ему 14 мая 1941 года. Но еще до этого момента его полку довелось выполнить боевое задание совершенно особого рода.

382-й пехотный полк нес охрану побережья в районе Александруполис – Порто-Лаго (юго-восточнее Ксанти).

Каждый раз, когда Бойкеманн выходил из своей палатки, он неизменно бросал взгляд на вздымавшуюся на 1600 метров вершину острова Самофракия. Этот вид однажды и подвиг его на необычное предприятие, которое позволил ему совершить командир его дивизии генерал-лейтенант Фольтманн: полковник Бойкеманн хотел одним внезапным налетом захватить лежащий всего в шестидесяти километрах от побережья остров силами одной роты.

Едва забрезжило утро 19 апреля, как из гавани Порто-Лаго вышли пять рыболовецких баркасов, имея на борту 2-ю роту под командованием старшего лейтенанта Шотта и командира полка. На подходе к острову они были обстреляны греческим полицейским патрулем, но тем не менее высадились на берег. Полицейские бежали, а местное население восторженно приветствовало немецких солдат.

Еще во время пребывания на Самофракии Бойкеманн стал разрабатывать план захвата острова Лемнос. Он знал, что этот остров во время Первой мировой войны был местопребыванием англо-французских вооруженных сил и что именно отсюда началась Галлиполийская операция⁷. Бойкеманн узнал от рыбаков, что имеется возможность из одной уединенной бухты, излюбленной контрабандистами, проникнуть на территорию острова, не будучи замеченными британскими танковыми частями, еще остающимися на нем.

– Этих томми мы захватим в плен! – решил для себя Бойкеманн и вернулся на материк.

Старший морской начальник на акватории Эгейского моря капитан 3-го ранга Фрийус-Плессен предоставил в распоряжение полковника для выполнения этого предприятия десять моторных баркасов и прикомандировал к нему штурмана. Были сформированы смешанные штурмовые группы. Противотанковые орудия и станковые пулеметы были установлены так, что могли вести огонь с борта баркаса. Штурмовой группе также временно подчинялись дивизионные саперы с десантными вельботами под командованием лейтенанта Отто. Были также отданы распоряжения о том, чтобы 2-й батальон с малокалиберными скорострельными орудиями погрузился в гавани Кавалла на борт торгового судна, чтобы в соответствии с планом операции на рассвете 25 апреля поддержать высадку десантной группы. Там, на месте высадки, командир батальона должен был ожидать дальнейших распоряжений командира полка.

Переброска 1-го батальона на Лемнос прошла полностью по плану. На первом судне, «Фракии», находились полковник Бойкеманн и штурман. В кильватере «Фракии», вооруженной одним противотанковым орудием и тремя станковыми пулеметами, шли еще два баркаса, образуя авангард отряда, которым командовал капитан Трибукайт, командир 4-й роты.

Без каких-либо происшествий десантная штурмовая группа вошла в бухту Пурния.

Обнаружив это, греческий пост охраны открыл по ним огонь.

– Спустить десантные вельботы! – приказал полковник.

И вскоре эти вельботы уже двигались к греческим постам. Заработали станковые пулеметы. Предрассветную темноту разорвало пламя дульных вспышек, и посты часовых один за другим были подавлены.

Теперь десантные вельботы двинулись к берегу широким клином и через несколько минут уже достигли цели. Полковник Бойкеманн собрал своих людей вокруг себя и отдал приказ:

⁷ Г а л л и п о л и й с к а я о п е р а ц и я, она же Дарданелльская операция 1915 г., – действия англо-французского флота и десантных войск 19 февраля 1915 г. – 9 января 1916 г. во время Первой мировой войны с целью овладения Дарданеллами, Босфором и Константинополем, вывода Турции из войны и восстановления связи с Россией через Черное море.

– Наступать в направлении холма с ветряной мельницей!

Ведя на ходу огонь, пехотинцы двинулись в наступление в указанном направлении. Греческая рота, занявшая оборону на высоте, попыталась отбить наступление. Но после получасового боя высота оказалась в руках наступавших.

С вершины холма Бойкеманн мог обозревать южную часть Эгейского моря и окрестности Мудроса, главного порта острова.

– Взгляните туда, господин полковник! – произнес его адъютант, указывая рукой направление.

– Это подходит наш второй батальон на торговом судне «Делос», – объяснил тому Бойкеманн. – Все идет по плану. Передайте им по радиации мой приказ: крейсировать на подходе к бухте и ожидать дальнейших распоряжений!

Естественно, об этом сразу стало известно всем десантникам, которые поняли, что их командир считает – подкрепление на этом участке не нужно.

– Вы со своей усиленной ротой возьмете гавань Мудроса, – наконец обратился Бойкеманн к капитану Трибукайту. – Я же с основными силами захвачу Кастрон, столицу острова, на восточном его берегу. Ну а пока что мы вместе с вами двинемся на Мудрос.

Под прикрытием огня тяжелого пехотного оружия рота в хорошем темпе двинулась вперед. Пулеметные гнезда неприятеля были подавлены, и около десяти часов утра рота овладела Мудросом. Через некоторое время полковник Бойкеманн реквизирует в Мудросе несколько грузовиков.

– Трибукайт, – отдал он приказ капитану, – принимайте командование над вторым батальоном. Двигайтесь к восточному побережью острова, заходите в гавань Мудроса и быстро высаживайтесь на берег. Я приму командование первым батальоном!

На трофейном грузовике Бойкеманн двинулся по направлению к Кастросу. Здесь он принял под свое командование батальон и повел его к городу, которого достиг около одиннадцати часов и, несмотря на сильное сопротивление греков, овладел им. Несколько позднее полковник узнал, что англичане покинули остров буквально накануне. Ближе к полудню он доложил генерал-лейтенанту Фольтманну во время сеанса радиосвязи:

– Лемнос в наших руках!

Во время этой операции полк потерял связного-мотоциклиста ефрейтора Брауера, который из-за незнания местности оказался в тылу у греков.

В плен были взяты адмирал, капитан 2-го ранга и 314 греческих солдат. В качестве трофеев было взято большое количество оружия, боеприпасов и более 150 судов.

За эту операцию полковник Бойкеманн был отмечен почетной грамотой главнокомандующего сухопутными силами.

С гражданским населением вскоре были установлены самые сердечные отношения, после чего полковник Бойкеманн был назначен комендантом острова.

Период оккупации тянулся без особых происшествий вплоть до некоего случая, который произошел на море и привел к четырем смертям. Это произошло 12 мая 1941 года. Как и ежедневно, катер связи шел к материку, на нем в качестве сопровождения были старший лейтенант Шотт и семеро солдат. Едва катер удалился от острова километра на три, как был потоплен торпедой, выпущенной английской подводной лодкой. Когда лодка всплыла на поверхность, часть солдат еще держалась на воде. Все они были расстреляны англичанами из пулеметов.

Вечером того же дня полковник Бойкеманн с несколькими солдатами вышел в море, чтобы почтить память павших, которые были убиты врагами вопреки всем правилам ведения войны. Они решили воздвигнуть своим погибшим товарищам памятный знак.

В начале августа 1941 года весь полк погрузился на пароход «Аркадия» и был переправлен под escortом итальянских торпедных катеров в Салоники, где теперь должна была

размещаться резиденция Бойкеманна в качестве коменданта. Затем в течение некоторого времени полк действовал против греческих партизан, которые несколько раз взрывали железнодорожную магистраль Салоники – София и совершали нападения на грузовики. Безопасность войск и мирного населения вскоре была восстановлена.

В начале 1942 года 164-я легкая дивизия получила приказ сменить 5-ю горную дивизию, размещенную на Крите. Войска погрузились в Афинах на поезд, и 382-й пехотный полк 18 января был на борту нескольких судов переправлен на Крит.

До острова оставалось около сорока морских миль, когда суда подверглись нападению английской подводной лодки. В «Ливорно», на котором находился штаб полка и его командир, попали две торпеды. Судно затонуло менее чем за восемь минут.

Несмотря на столь малое время, когда оно уходило под воду, экипажу итальянского торпедного катера «Лупо», командир которого уже к этому времени был кавалером Железного креста 1-го класса, удалось принять всех находившихся на борту людей и спасти их. «Лупо», пренебрегая опасностью взрыва от детонации боеприпасов, снял всех солдат и выловил плавающих в воде членов экипажа «Ливорно», тогда как конвой, согласно приказу, шел вперед, чтобы не стать целью для новой атаки субмарины. Из 400 солдат во время этого инцидента погибли только восемь человек.

На Крите полку был выделен участок обороны в составе дивизии, которая между тем была переименована в «крепостную дивизию Крита». Полковник Бойкеманн расположил свой командный пункт в городе Ретимнон.

Вместе со своими подчиненными полковник Бойкеманн провел на этом острове несколько чудесных месяцев. Он посетил все раскопки античных поселений, поднялся на Ида⁸. Однако это была чересчур трагическая идилия, ведь примерно в сотне километров южнее этих мест вела тяжелые бои армия Роммеля «Африка».

В те месяцы, когда Бойкеманн и его солдаты несли спокойную гарнизонную службу, разгоралась война в Советском Союзе. Многие офицеры и солдаты полка уже подали рапорты по команде о переводе на фронт, когда 20 июня 1942 года пришел приказ о переброске полка в Африку. В качестве первой боевой части должен был передислоцироваться 382-й пехотный полк усиленного состава. Вместе с батареей малокалиберных орудий и батареей зенитных 20-миллиметровок он насчитывал около 7 тысяч человек. Ввиду этих обстоятельств переброска по воздуху осуществлялась без полевых кухонь и грузовиков. Если горные орудия были погружены только в разобранном виде, то полевую артиллерию удалось перебросить без разборки, но, к сожалению, без их тягачей.

Переброска началась в первых числах июля. Тридцать пять Ju-52 взлетели утром первого дня, приземлились в Африке, вернулись назад и во второй половине дня во второй раз пересекли Средиземное море.

Прибыв в Тобрук, полковник Бойкеманн получил переданный ему устный приказ фельдмаршала Роммеля незамедлительно направить всех прибывших солдат на фронт под Эль-Аламейн, находящийся приблизительно в 600 километрах к востоку. Для переброски личного состава должны были быть задействованы все двигавшиеся в направлении фронта транспортные средства.

Бойкеманн оставил на месте прибытия одного энергичного офицера своего штаба, а сам направился к Роммелю.

Первая машина, итальянский грузовик, подбросил его до Бардии, второй довез через Соллум до Сиди-Барани. Здесь он нашел место на небольшом самолете и уговорил начальника аэродрома отправить его в Фука. Там ему повезло больше – офицер люфтваффе предоставил в его распоряжение легковой автомобиль, на котором он добрался до командного

⁸ Ида, Ипсилоритис, Псилоритис – горный массив в центральной части о. Крит. Сложен известняками. Высота 2456 м.

пункта фельдмаршала Роммеля. Пункт этот находился недалеко от побережья, у местечка Сидиэль-Рахман, всего в нескольких километрах от линии фронта.

– Отлично, что вы здесь, Бойкеманн! – приветствовал полковника Роммель. – Рад, что вы привели нам такое крупное подкрепление. Вы нам нужны!

После этого приветствия командир полка завел разговор о критическом положении на фронте. В ходе разговора он узнал, что с начала июля ведутся тяжелые бои, и глубокие прорывы противника удастся отбивать, только бросая в дело резервы.

– Бойкеманн, – завершая знакомство с обстановкой, сказал фельдмаршал Роммель, – вы тотчас же сведете всех прибывших солдат в боевые группы и отправите их на фронт. Вам поручается участок, где противник вклинился в расположение дивизии «Сабрата», вы должны предотвратить опасность вражеского прорыва!

Полученное Бойкеманном задание было весьма трудным, и полк его отправился на фронт весьма оригинальным способом: лежа на ящиках с боеприпасами и на канистрах с бензином. Но, несмотря на все трудности, каждая из боевых групп стремилась добраться до места своего назначения первой. В этом проявился их высокий боевой дух, который сумел внушить им полковник Бойкеманн за время пути.

На подходе к участку фронта армии 382-й полк остановился, из его личного состава были сформированы боевые группы. Спустя пять дней после прибытия полка в Африку полковник Бойкеманн снова предстал перед фельдмаршалом Роммелем.

– Разрешите доложить, господин генерал-фельдмаршал: полк в полном составе готов идти в бой!

– Благодарю вас, Бойкеманн! Полагаю, сохранили свою энергию, и выражаю вам свою признательность!

Буквально в первые же дни на африканском фронте боевые группы Бойкеманна попали под ураганный огонь англичан. После этой артподготовки должна была последовать вражеская атака. В этот момент перед Бойкеманном появился командир танкового взвода.

– Мы готовы поддержать вас всеми своими двадцатью пятью танками, которые стоят за вашими позициями, господин полковник! – доложил он, тем самым продемонстрировав своим товарищам с Крита «африканское» братство по оружию.

В полосе обороны полка каждый день появлялся фельдмаршал Роммель. Цель его визитов была совершенно ясной: он лично желал поднять боевой дух новых частей.

Во время своих посещений Роммель вместе с полковником Бойкеманном порой добивались даже до отдельных стрелковых ячеек. Вскоре даже последний из солдат 382-го полка уже знал маршала в лицо.

За все время пребывания под командованием Роммеля Бойкеманн ни разу не получил от него письменного приказа. Каждый боевой приказ фельдмаршал передавал ему лично. Однажды, когда Бойкеманн пожаловался в штабе армии, что его части все еще недостаточно моторизованы, Роммель взял его под локоть и вывел из помещения штаба под открытое небо.

– Посмотрите туда, Бойкеманн! – сказал он и указал рукой в сторону вражеских позиций, где как раз двигалась моторизованная колонна. – Если вы хотите иметь больше техники, то вам надо быть вон там. От меня вы не получите ни одной машины!

Почти каждый день неприятель предпринимал попытки прорыва линии германской обороны, направленные преимущественно против итальянских передовых частей. Ожесточенными контратаками части Бойкеманна ликвидировали прорывы противника на участках дивизий «Сабрата», «Триест» и «Тренто».

Когда тяжело заболел командир 164-й легкой дивизии «Африка», Бойкеманн был назначен старшим из командиров полков с исполнением обязанностей командира дивизии. Он впервые поднялся на уровень дивизионного командования, причем в момент очень тяжелого кризиса на фронте. В ходе оборонительных сражений июля и августа 1942 года Бой-

кеманн был награжден итальянской серебряной медалью «За отвагу». Неоднократно ему доводилось спасать итальянские дивизии от полного уничтожения.

В конце августа полковник Бойкеманн был вызван в штаб армии. Когда он прибыл туда, Роммель сообщил ему, что его переводят в резервные части сухопутных войск, которые находятся в личном распоряжении фюрера. В дальнейшем же его ожидает назначение на должность командира дивизии в какой-нибудь горячей точке на Восточном фронте.

– Мне очень жаль, что вы покидаете нас, господин полковник. Но там у вас будут куда большие шансы на дальнейшее продвижение по службе, – такими словами завершил фельд-маршал этот разговор.

Командир дивизии трогательно попрощался со своими подчиненными, в особенности со своим старым 382-м пехотным полком. С аэродрома под Тобруком через Крит, Афины и Бриндизи он вернулся на родину. Явившись в управление кадров сухопутных сил, он узнал там, что 15 сентября ему надлежит принять командование 75-й пехотной дивизией, ведущей тяжелые бои в районе Воронежа.

Полет на Восточный фронт прошел вполне благополучно, и, приземлившись в Касторной, полковник Бойкеманн доложил о своем прибытии командующему 2-й армией генерал-полковнику фон Сальмуту. Он знал своего нового начальника еще по тому времени, когда фон Сальмут командовал батальоном 12-го пехотного полка.

От него Бойкеманн узнал, что его дивизия уже несколько дней ведет упорные бои за крупный промышленный центр – город Воронеж. Здесь в ходе германского летнего наступления возник значительный плацдарм, который русские пытались отбить уже в четвертый раз.

Полковнику Бойкеманну были подчинены также части 57-й пехотной дивизии, командиру которой было поручено создание отсечной позиции на западном берегу Дона, а также два пехотных полка соседних дивизий. Таким образом, всего в распоряжении Бойкеманна находилось восемь полков. Дивизию должен был поддерживать тяжелой артиллерией расположенный здесь же VII армейский корпус. Справа от дивизии находилась 2-я венгерская армия, дальше к югу – итальянский альпийский корпус, еще дальше – румынские части. Севернее дивизии располагались позиции XIII германского армейского корпуса.

Бойкеманн быстро освоился в своей новой дивизии; не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что здесь он встретил многих своих сослуживцев, знакомых ему по 89-му пехотному полку в ходе войны в Польше.

В качестве первого боевого задания дивизия получила приказ ликвидировать глубокий прорыв неприятеля в южных предместьях Воронежа. Для выполнения приказа дивизии была придана батарея реактивных минометов.

Полковник Бойкеманн разработал оперативный план, который был одобрен командованием корпуса и армии. Сама операция была проведена в конце сентября. Под аккомпанемент воя реактивных снарядов пехотинцы в ходе решительного штурма отбили южную часть города. Тем самым полковник Бойкеманн доказал, что он вполне способен командовать дивизией. При осуществлении этой операции ему оказали эффективную поддержку начальник оперативного отдела штаба дивизии подполковник Гроль и начальник разведки дивизии майор Фридрих фон Кетельход.

Последующие месяцы выдались поспокойнее, и в штабах занялись планированием эвакуации плацдарма. 1 ноября 1942 года Бойкеманн получил звание генерал-майора.

Когда в январе 1943 года сражение под Сталинградом достигло апогея и ясно обозначилось намерение русских нанести основной удар силами Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов, началась эвакуация воронежского плацдарма. Прежде всего были отведены склады и тыловые службы.

Во второй половине января последовало предсказанное генеральное наступление советских войск, после начала которого были прорваны позиции венгерских и итальянских частей южнее Воронежа. Вскоре после этого севернее началась наступательная операция против XIII армейского корпуса, которая привела к прорыву его фронта. Целью русских было взять 2-ю германскую армию в клещи и уничтожить ее.

Эвакуацию пока еще не захваченных позиций на плацдарме можно было без всяких помех осуществить с 23 до 25 января. Правда, к этому времени советские войска уже стояли на флангах 75-й пехотной дивизии и других дивизий корпуса. К концу января кольцо окружения вокруг VII армейского корпуса замкнулось. В котле оказались девять дивизий и остатки венгерского VII армейского корпуса.

75-й пехотной дивизии теперь предстояло вместе с остатками 340-й и 377-й пехотных дивизий, а также частями 57-й и 323-й пехотных дивизий действовать в арьергарде.

Во 2-й армии для арьергардных боев были сформированы три группы:

Северная группа: генерал-лейтенант Зиберт (57-я пехотная дивизия);

Центральная группа: генерал-майор Бойкеманн (75-я пехотная дивизия);

Южная группа: генерал-лейтенант Голлвитцер (88-я пехотная дивизия).

Если Северная группа должна была прорываться через Тим⁹, а Южная группа из района Старого Оскола могли двигаться по проселочным, но все же дорогам, то Центральной группе под командованием генерал-майора Бойкеманна пришлось отступать по совершенному бездорожью. Местность была покрыта глубоким снегом, мороз доходил до минус тридцати градусов. Горючее, продовольствие и боеприпасы были на исходе.

Генерал-майору Бойкеманну пришлось по этой причине отдать приказ об уничтожении всех транспортных средств, за исключением санитарных машин. Первой была взорвана его штабная машина, и генерал вместе со своими солдатами проделал весь этот скорбный путь пешком. 6 февраля Центральная группа была взята неприятелем в кольцо в районе Ястребовки.

– Мы должны пойти на прорыв в южном направлении и попытаться соединиться с группой Голлвитцера, – принял решение генерал-майор.

Воплощая план своего командира, артиллерия открыла огонь, затем в атаку пошли пехотинцы. Над их головами на позиции неприятеля с завываниями неслись реактивные снаряды. Короткими перебежками солдаты продвигались вперед, сам генерал шел бок о бок с рядовым Виттманном и одним из командиров батальонов. Вместе со своими полками шли на прорыв и командиры полков – полковник Крюгер, подполковник Шлегель, подполковник Зиггель и полковник Винтер. Все они были одержимы одной мыслью – прорваться сквозь окружение.

Противник открыл оборонительный огонь. Залпы полевых орудий устилали снежками пехотинцев. «Тарахтелки» – ужасные 76-миллиметровые орудия русских – выкашивали целые взводы атакующих. Батарея реактивных минометов была накрыта русской артиллерией, и начавшийся со столь большими надеждами прорыв захлебнулся.

С наступлением темноты к генерал-майору Бойкеманну был доставлен русский парламентар. Генерал выслушал требование капитуляции – и отклонил его. Когда посланец отбыл восвояси, Бойкеманн собрал командиров подразделений.

– Господа, русские ожидают продолжения нашего наступления в том же самом месте на следующее утро. Они стянут туда все свои оборонительные силы. Но мы пойдем на прорыв немедленно, соберемся и будем прорываться на запад. Надеюсь, там мы найдем где-нибудь брешь.

⁹ Т и м – посёлок городского типа, центр Тимского района Курской области РСФСР. Расположен в верховьях р. Тим (бассейн Дона).

Решение командиров боевых групп тут же начало претворяться в жизнь. Путь им преграждала лишь очень тонкая полоса неприятельской обороны, которая и была прорвана первым же броском. Под Мантуровом уже считавшаяся погибшей дивизия воссоединилась с корпусом и с армией – и была спасена.

Общее отступление германских сил через Обоянь – Суджу – Сумы снова и снова побуждало Бойкеманна принимать инициативные решения большой значимости. Ему удалось в затяжных боях с преследовавшим его неприятелем довести свои части до Сум и вновь организовать там оборону. Наступательный порыв русских к этому времени уже иссяк.

Подполковник Герман Зиггель, командир 172-го пехотного полка, был представлен к награждению Рыцарским крестом. Награда была вручена ему 15 июля 1943 года. Спустя всего лишь тридцать дней этот отважный офицер стал 552-м солдатом вермахта, награжденным дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

И еще одного военнослужащего своей дивизии генерал Бойкеманн представил в тот же день к награждению Рыцарским крестом: старшего лейтенанта Шнайдера, молодого и отважного офицера.

Сам же генерал-майор Бойкеманн был награжден золотым Немецким крестом¹⁰, а 1 мая 1943 года – произведен в генерал-лейтенанты.

Во время начавшейся 4 июля 1943 года операции «Цитадель»¹¹ 75-й пехотной дивизии предстояло своими действиями связывать силы неприятеля. Основной удар дивизия должна была нанести только после успешного танкового прорыва линии фронта. Но до этого дело не дошло. В ходе контрнаступления русских из района Харьков – Курск дивизии пришлось отступать с тяжелыми боями через Ромны и Прилуки до рубежа Днестра. Поддержанная 4-й танковой армией под командованием генерал-полковника Гота, дивизия дошла до Киева и заняла на окраине города – западном берегу Днестра – новый рубеж обороны.

В начале ноября в этом районе началась крупная наступательная операция русских. Наступая по двум направлениям и обойдя Киев с севера и с юга, они соединились много западнее столицы Украины, и 75-я пехотная дивизия во второй раз оказалась в котле.

Но и на этот раз генерал-лейтенант Бойкеманн с ожесточенными боями вывел свою дивизию на юг. Прорыв из котла увенчался успехом. Остатки дивизии соединились под Белой Церковью со своим собственным фронтом.

В ходе дальнейших сражений дивизия была оттеснена в котел под Черкассами и там в третий раз оказалась в окружении. Вместе с 34-й пехотной дивизией она была вынуждена прорываться на запад.

Стоял январь. В лютый мороз пехотинцы пошли на прорыв. Многочисленные танки противника были уничтожены в ближнем бою. Первая попытка прорыва развивалась успешно, но затем переброшенные с других участков танки русских ликвидировали брешь. Лишь следующая попытка увенчалась успешным прорывом кольца окружения. Дивизия соединилась с танковым корпусом, который готовился к деблокированию котла. В ходе этих боев генерал-лейтенант Бойкеманн поспевал на все участки сражений, воодушевляя солдат личным примером.

За этим последовали новые сражения на занесенных глубоким снегом полях и в очень тяжелых условиях – под Уманью, на Буге, под Ямполью на Днестре, у Могилева-Подольского. В ходе дальнейшего отступления под Каменец-Подольским дивизия снова оказалась в котле вместе с 1-й танковой армией генерал-полковника Хубе. В далеком 1914 году Бойке-

¹⁰ Награда учреждена 28 сентября 1941 г. Задумывалась как переходная ступень от Железного креста 1-го класса к Рыцарскому кресту. Готовилась специально для чествования войск, штурмовавших Москву. Ею награждался личный состав вермахта и военных партийных организаций, а также вспомогательных служб. Условием награждения было предшествующее представление к награждению Железным крестом 1-го класса.

¹¹ «Ц и т а д е л ь» – немецкое кодовое наименование Курской битвы.

манн лежал в одной палате лазарета вместе со своим сослуживцем, тогдашним командиром роты Хубе, и был хорошо знаком с нынешним генерал-полковником.

Дивизия в четвертый раз оказалась в окружении, и снова ей удалось вырваться из русского котла. Несколько позднее ей, как имевшей неоценимый опыт арьергардных боев, было доверено сдерживать наступление русских на участке Черновцы – Тернополь.

В середине июля 1944 года генерал-лейтенант Бойкеманн, который с самого начала войны находился на передовой, был переведен в кадровый резерв Верховного командования сухопутных сил, которым распоряжался лично фюрер. Шестью неделями позднее он принял под свое командование 539-ю дивизию, расквартированную в Праге, где через год он пережил майское восстание чехов. Под его предводительством подчиненные ему войска, а также массы беженцев и этнических немцев смогли найти убежище под Пльзенем. Здесь генерал-лейтенант Бойкеманн оказался в американском лагере для военнопленных.

После пребывания в лагерях Регенсбург, Риденбург, Дахау, Ной-Ульм и Гармиш Бойкеманн в июле 1947 года был освобожден из заключения. На его родине в Шверине (Мекленбург) у него уже никого не осталось. Он построил себе новый дом в Штутгарте и там вместе со своей семьей вел тихую жизнь пенсионера.

* * *

ГЕЛЬМУТ БОЙКЕМАНН

Родился 9 мая 1894 года в Гамбурге

Последнее звание: генерал-лейтенант

Награды Первой мировой войны:

Железный крест 2-го и 1-го классов, знак за ранение

Брауншвейгский крест за заслуги 2-го и 1-го классов

Гамбургский «Ганзейский крест»

Рыцарский крест королевского придворного ордена Гогенцоллернов с мечами

Награды Второй мировой войны:

Пряжки к Железным крестам 2-го и 1-го классов

Рыцарский крест Железного креста (14 мая 1941 года)

Благодарственный адрес Верховного командования сухопутных сил

Знак за ранение

Болгарский орден «За отвагу»

Почетный знак болгарской пехоты

Штурмовой знак

Итальянская серебряная медаль «За отвагу»

Золотой Немецкий крест

Фельдфебель Рудольф Браше Мотопехотинец на Восточном и Западном фронтах

На южной границе долины реки Каменки с 1 декабря 1942 года располагались позиции 13-й танковой дивизии, незадолго до этого образованной из 13-й пехотной моторизованной дивизии.

В стрелковой ячейке у пулемета залег его расчет – три обер-ефрейтора штабной роты 93-го мотострелкового полка. Старшим расчета был обер-ефрейтор Рудольф Браше; вторым и третьим номерами – обер-ефрейторы Рихард Гамбиц и Вильгельм Грунге. Они представляли собой типичный пулеметный расчет, который был создан в ходе войны.

– Что-то мне здесь не особенно нравится, Руди!

Рихард Гамбиц имел в виду каменную стену кирпичного завода, рядом с которым и расположилась штабная рота под командованием капитана Кумма.

Восточнее устроились другие роты полка, который занял позицию на берегу реки Миус рядом с поселком Покровское.

– Надеюсь, мы тут задержимся, Рихард, – не согласился с ним Браше. – После восьмидесятикилометрового отступления в этом месте неплохо бы перезимовать. На кирпичном заводе будет тепло.

– Мы могли бы запустить одну печь и греться у нее, – вмешался в разговор и громадный пруссак Грунге.

Все трое были расчетом пулеметного гнезда, которое было оборудовано под насыпанной у стены кучи еще не обожженных кирпичей. Термометр показывал двадцать два градуса мороза.

– Вон идет фельдфебель Вегенер! – предупредил своих подчиненных унтер-офицер Лауперт.

– С четырьмя солдатами из группы управления ротой, – добавил Грунге.

Не доходя нескольких метров до пулеметного гнезда, группа остановилась и окликнула старшего наряда. Когда унтер-офицер Лауперт, переговорив, вернулся к пулеметному расчету, он многозначительно ухмыльнулся и сказал:

– Господа, похоже, нам с вами придется взглянуть, как выглядит этот кирпичный завод изнутри...

– Это значит...

– Это значит, что нам с вами предстоит пробраться к печи для обжига известняка и разведать, есть ли там иваны. Печь для обжига кирпича прикроет нас с фланга, и мы сможем незаметно выйти к Миусу.

Не тратя понапрасну слов, унтер-офицер Лауперт стал готовить группу к разведывательной вылазке. Когда сгустился вечерний сумрак декабрьского дня, они двинулись в путь. Держа пулемет на изготовку, Браше пробирался за полуразрушенными складами к южной части обжиговой печи. Под ногами солдат скрипел снег. За спиной у него раздавалось хриплое дыхание его товарищей. Через некоторое время они подошли к длинному зданию для сушки кирпичей. Кирпичное крошево противно хрустело под подошвами сапог, красноватая пыль поднялась в воздух. Сердце у Браше тревожно колотилось, подступая к горлу.

Впереди раздался какой-то шорох. Трое пулеметчиков замерли на месте, не смея ступить ни шагу. Из-под кучи хлама появилась небольшая тень: кошка! Увидев людей, она мяукнула, прыгнула в сторону и пропала в темноте.

– Вперед! – прошептал унтер-офицер Лауперт, который между тем продвинулся вперед и теперь шел во главе группы. – Не отставать!

Они обогнули сушилку для кирпичей и за ее торцом увидели кольцевую обжиговую печь. Повинуясь негромкой команде, они приблизились к ее фундаменту и перебрались через гору битых кирпичей. И тут же Лауперт и Браше увидели впереди знакомые бесформенные силуэты людей в масках, один из которых чиркнул в этот момент спичкой.

– Пулемет к бою! – приказал Лауперт. – Кнайсель с другой «пушкой» – правее!

Оба пулемета были тут же установлены и изготовлены к бою. Неподалеку справа внезапно с грохотом обрушилась сложенная из кирпичей стена. Крутое немецкое проклятие повисло в воздухе, и красноармейцы схватились за оружие.

Из пролета кольцевой печи выскочили еще несколько советских солдат.

Заработал пулемет Кнайселя. От кольцевой печи ему ответили 72-зарядные пистолеты-пулеметы¹² русских солдат. Пули рвали дерево и крошили кирпич. Браше выпустил из своего оружия длинную очередь. Внезапно вспыхнув, в него уперся длинный бело-голубой луч прожектора.

Обер-ефрейтор перекатился направо и вместе с пулеметом успел спрятаться за склад с кирпичом. Поднялась туча пыли, кирпичная крошка трещала и скрипела под ногами. Забросив массивный ручной пулемет за спину, он вместе с товарищами скрылся в каком-то боковом проходе. Прижимаясь к земле, они поползли вглубь.

Огонь неприятеля из проема кольцевой печи усилился. Кнайсель отвечал им из своего пулемета.

– Нам надо обойти их! – крикнул Браше своим товарищам.

Всем составом пулеметного расчета, задыхаясь, добежали до конца цеха и уже хотели было выйти к кольцевой печи, как вдруг услышали топот множества ног, обутых в валенки, владельцы которых приближались к ним со стороны дымовой трубы и конторы директора завода. Пулеметчики бросились на пол, и Браше изготовил пулемет к стрельбе, развернув его туда, откуда должны были появиться люди. Из темноты слышались голоса, кто-то громко отдавал приказы.

Браше открыл огонь, поводя стволом пулемета слева направо. Шаги затихли, неясные фигуры врагов попадали на пол. Упали и взорвались несколько ручных гранат...

– В укрытие! – крикнул Браше своим друзьям.

Через несколько мгновений враги побежали дальше, спеша на помощь своим товарищам у кольцевой печи.

Пулемет Браше заработал снова. Гамбиц подавал патронную ленту. Грунге стрелял из трофейного автомата. Прямо перед ним в снег шлепнулась ручная граната. Не растерявшись, он мгновенно протянул руку, схватил дьявольское яйцо и швырнул его обратно.

Граната взорвалась, не пролетев и двух метров, почти оглушив Грунге. Но ее осколки, миновав ефрейтора, прошли выше него, лишь один срикошетировал от его стальной каски.

– Гранаты! – крикнул Гамбиц, свинчивая колпачок¹³.

Секунда выжидания – и смертоносный снаряд, кувыркаясь, полетел в сторону врага.

– Перебежками вперед! – скомандовал Браше.

Они вскочили и бросились вперед по протоптанной тропинке, которая шла меж высоких сугробов. Теперь они приближались к печи для обжига известняка с другого направления. На бегу они увидели пламя, вырывающееся из дула пулемета Максима, который стрелял

¹² Очевидно, имеются в виду ППШ-41 с дисковым магазином на 71 патрон.

¹³ Терочный запал немецкой ручной гранаты StiGr-24 (немецкое солдатское прозвище – «колотушка», советское – «тол-кушка») приводился в действие выдергиванием шнура с фарфоровой бусиной на конце, проходившего сквозь деревянную рукоятку гранаты, закрытую на конце металлическим колпачком с резьбой.

с кучи битых кирпичей. Навстречу им ударили автоматные очереди русских, и они бросились в снег.

Браше прополз немного вперед, так чтобы иметь возможность поймать в прицел пулеметчиков, и нажал на спуск своего МГ-42. Просвистела очередь, приклад в такт выстрелам замолотил ему по плечу, но вскоре все внезапно оборвалось.

– Патрон перекосило! – крикнул Браше своим товарищам.

Грунге выпустил по врагам весь магазин своего пистолета-пулемета. Двое красноармейцев, которые уже приготовились метнуть гранаты, вжались в снег. Гамбиц вел огонь по другим, тем, кто собирался подняться на кольцевую печь.

На помощь к ним подбежал унтер-офицер Лауперт. Пулеметчики вслед за ним подобрались к пролому в стенке печи. Лауперт надел на ствол своего автомата каску и высунул ее из отверстия. Пулеметная очередь сбила ее в снег. В ответ они швырнули несколько ручных гранат в жерло кольцевой печи. После взрыва всякая стрельба оттуда прекратилась.

Через пару минут из печи стали выбираться раненые русские солдаты. Они были безоружны. Откуда-то появился фельдфебель Вегенер. Его солдаты также взяли несколько пленных на кирпичном заводе.

– Рота занимает южную часть обжиговой печи. Капитан Кумм скоро будет здесь! – сообщил фельдфебель.

Через несколько минут появился командир штабной роты и показал пулеметчикам позицию, которую им предстояло занять.

Руди Браше отправился вместе с двумя своими товарищами занимать позицию в угол склада. Стена в этом месте была частично разрушена, так что через пролом прекрасно просматривалось все пространство для стрельбы, а также находившиеся метрах в ста от них здание заводоуправления и дымовая труба. Там залегли несколько оставшихся в живых красноармейцев.

Грунге куда-то исчез. Вернувшись через некоторое время, он притащил большой пласт прессованной соломы. Притащив втроем несколько деревянных форм для кирпичей, они установили их так, чтобы защититься от пронизывающего северного ветра. И наконец, застелили свою новую позицию соломой.

Рудольф Браше родился 17 августа 1917 года в городе Хальберштадте, расположенном в отрогах Гарца.

В 1937 году он отбывал трудовую повинность, а год спустя уже командовал бригадой работников в городе Гентине.

18 ноября 1938 года он был призван на действительную воинскую службу, которую начал в рядах 93-го моторизованного пехотного полка в 6-й роте 2-го батальона.

В рядах этого полка в сентябре 1939 года Браше участвовал в войне с Польшей. В сражении под Радомом взрыв снаряда оглушил Браше, и он очнулся в лесу, оторванный от своих товарищей. Однако ему удалось проскользнуть незамеченным между польскими подразделениями и вернуться в свою роту.

По окончании боевых действий он был переведен в город Стендаль, а в конце апреля 1940 года 13-я моторизованная пехотная дивизия пешим маршем вошла в Люксембург.

Однако уже меньше чем через месяц (10 мая 1940 года) Браше вместе с товарищами на новом пехотном транспорте, «Опель-Блице» грузоподъемностью 3,5 тонны, вступил во Францию.

Под Кобрином дивизия вступила в бой с французскими колониальными частями. Бой этот стал для Браше первым тяжелым сражением, во время которого он стал свидетелем работы «Штук»¹⁴, вносящих страшное опустошение в ряды противника.

Далее наступление развивалось на Труа. Вместе со своей ротой пехотинец Браше оказался под Хомили. Вступив в город, они прошли его насквозь до южных ворот и в короткой рукопашной захватили мост через Сену.

Штурмовая группа противника, поддержанная пехотинцами и танками, попыталась было отбить мост. Первый приблизившийся к мосту танк был подбит из противотанкового ружья. Со вторым вызвался разобраться Браше с двумя товарищами. Ему удалось поджечь его ручной гранатой. За эту вылазку он был награжден Железным крестом 2-го класса.

В день заключения перемирия рота находилась в Эксле-Бен. Именно там 1 июля 1940 года Браше и был произведен в ефрейторы.

В августе 1940 года дивизия была переброшена через Вуллерсдорф в городок Холлербрунн севернее Вены. Отсюда 13-я моторизованная пехотная дивизия была переброшена в сентябре в качестве учебной части в Румынию. Часть, в которой служил Браше, была расквартирована в Петерберге, в нескольких километрах севернее Кронштадта. Здесь Браше принял участие в параде, состоявшемся 10 ноября по случаю дня рождения короля Михая¹⁵.

В связи с распространением в начале 1941 года военных действий на Балканы дивизия была переброшена в район Железных Ворот¹⁶ и выполняла там охранные функции.

В мае 1941 года дивизия была в конце концов переброшена в район западнее Оппельна, где она была преобразована в 13-ю танковую дивизию, включенную в состав 3-го армейского корпуса под командованием генерала от кавалерии фон Макензена. Тогда Браше не мог знать, что всего лишь через полтора года ему предстоит предстать перед лицом этого генерала.

Под грохот 300 артиллерийских орудий на рассвете 22 июня 1941 года Браше переправлялся через реку Буг у польского городка Хрубешув. Затем – девятнадцать дней долгого марша по раскаленной степи, и вот наконец его дивизия вступила в Киев. 6 июля была прорвана линия Сталина¹⁷.

Спустя двадцать четыре часа они уже стояли под Житомиром.

20 ноября 13-я танковая дивизия захватила Ростов и большой мост через реку Дон. Генерал фон Макензен и его корпус¹⁸ распахнули ворота, ведущие к Кавказу.

Но и русские не оставались в бездействии. Маршал Тимошенко силами 37-й армии (генерал Лопатин) и 9-й армии (генерал Харитонов) нанес удар в спину III танкового корпуса.

Генерал фон Макензен был вынужден снять с фронта сначала 13-ю, а затем и 14-ю танковые дивизии и бросить их на участок по реке Тузлов.

В ответ на это противник 25 и 26 ноября захватил крупными силами пригород Ростова на южном берегу Дона. В операции участвовали три советские дивизии¹⁹. Они форсировали замерзший Дон и соединились с подошедшей к ним стрелковой дивизией. Фронт III танкового корпуса длиной 115 километров был слишком велик, чтобы удержать его под напо-

¹⁴ «Ш т у к а» – немецкое фронтовое прозвище пикирующих бомбардировщиков Ju-87. Соответствующее советское прозвище – «лаптежники» – было дано этим самолетам из-за их неубирающегося шасси с характерными обтекателями.

¹⁵ Сын румынского короля Кароля II, свергнутого в сентябре 1940 г. Король Михай был лишь формальным правителем Румынии, фактически власть находилась в руках генерала Антонеску, установившего военно-фашистскую диктатуру.

¹⁶ Ж е л е з н ы е В о р о т а – теснина долины р. Дунай на границе Югославии и Румынии ниже г. Оршова.

¹⁷ Л и н и я С т а л и н а – совокупность укрепленных районов в глубине от старой границы СССР.

¹⁸ В состав III танкового корпуса кроме 13-й танковой дивизии входили также 14-я танковая дивизия, 60-я пехотная моторизованная дивизия и дивизия войск СС «Лейбштандарт». (Примеч. авт.)

¹⁹ 31-я и 343-я стрелковые дивизии и 70-я кавалерийская дивизия. (Примеч. авт.)

ром столь мощных сил. В первый раз корпусу пришлось отступить на рубеж реки Миус. По этому поводу находившийся на командном пункте генерал-полковник Гудериан сказал:

– Для нас прозвучал первый тревожный звонок.

На своей новой позиции у печи для обжига известняка пехотинцы штабной роты по-прежнему ждали атаки противника. Тишину ночи внезапно разорвало завывание реактивных снарядов.

Браше, которому незадолго до этого было присвоено звание старшего ефрейтора, наблюдал за зданием заводоуправления, до которого от них было не более ста метров. Безусловно, русские снова должны были сконцентрироваться для удара за дымовой трубой, как это произошло прошлой ночью.

Когда на той стороне послышался какой-то шум, пулеметчики замерли в неподвижности. Около минуты они вслушивались, затаив дыхание. Но вот снова раздались эти ни на что не похожие скрежещущие звуки. Браше даже подался немного вперед, чтобы лучше слышать. Резкий порыв ледяного ветра стегнул его по лицу как кнутом. Теперь странные звуки доносились откуда-то правее.

Темнота у обжиговой печи в трех-четырех местах осветилась дульным пламенем пулеметных очередей. Метрах в пятидесяти перед пулеметной позицией из снега взметнулись фигуры бойцов и неловко, путаясь в снегу, побежали вперед.

Старший ефрейтор Браше тут же открыл по ним огонь. Гамбиц приготовил к броску ручные гранаты, а Грунге подтянул поближе новую коробку с патронной лентой.

От дымовой трубы отделилась плотная волна русских бойцов в белых маскировочных халатах и тут же исчезла, растаяв в снежных сугробах.

Немного позже с советской стороны выдвинулось скорострельное орудие и тут же начало обстрел 20-миллиметровыми снарядами. Браше выпустил длинную очередь из пулемета по стальному щитку орудия.

Гамбиц увидел менее чем в двадцати метрах перед собой поднявшихся из снега красноармейцев и бросил две ручные гранаты. Грунге выстрелил по ним из автомата, и нападавшие бросились в укрытие. Наступила тишина. Но уже через пару минут это обманчивое затишье прервалось уханьем 50-миллиметрового миномета. Осколки его мин со свистом рикошетили от промерзших кирпичных стен.

Внезапно с позиций соседнего взвода до пулеметчиков донесся ужасный крик. Одна за другой взорвались несколько ручных гранат, прогремели очереди русских автоматов, потом все снова потонуло в обманчивой тишине.

– Иваны прорвались! – раздался чей-то голос из машинного отделения.

– К группе Лауперта! Расчету пулемета оставаться на месте! – приказал Лауперт.

Унтер-офицер со своими подчиненными бросился туда. Когда они вернулись, Браше с товарищами узнали, что русские неожиданно напали на соседний взвод, захватили пулемет и его расчет и затем бесследно исчезли.

В последующие ночи подобные нападения происходили четыре раза. Небольшие штурмовые группы врага совершали из ниоткуда налеты на кирпичный завод, похищали пулеметы и снова исчезали. Откуда они приходили, оставалось совершенной загадкой.

– Мы должны их оттуда выкурить, Руди, – задумчиво произнес как-то Грунге.

– И как ты это предполагаешь сделать? – спросил Браше.

– Мы обрушим эту дымовую трубу так, чтобы она упала на домик, – и все!

Гамбиц начал воплощение своей идеи с того, что стал запасаться взрывчаткой, необходимой для подрыва трубы. Браше эта идея тоже запала в голову, и у него постепенно созрел план.

Унтер-офицер подошел к капитану и доложил о своей задумке. Тот согласился, и в 23.45 вся артиллерия дивизии открыла огонь по зданию заводоуправления. В дело вступили также и 50-и 80-миллиметровые минометы.

Скрывавшиеся за невысокой стеной Браше, Гамбиц и Грунге двинулись вперед. За собой на санках они тянули взрывчатку – восемь противотанковых тарельчатых мин, с трудом пробиваясь в глубоком снегу.

Пока артиллерия подавляла вражеские минометы, трое друзей начали отрывать ровик. Мины взрывались не так уж далеко от дымовой трубы, осколки то и дело свистели над ними. Наконец все было закончено. Гамбиц прокопал в снегу ровик вокруг трубы. Несколько снарядов, попавших в дом, дали им понять, что артиллерия наконец пристрелялась по цели.

– Готово! – негромко произнес Гамбиц.

Они заложили мины в ровик, установили взрыватели и поползли назад. Фельдфебель Вегенер уже ждал их вместе со взводом у невысокой стены.

– Можно отходить, господин фельдфебель!

Вегенер вдавил кнопку электрической подрывной машинки. У основания дымовой трубы полыхнула яркая вспышка. Затем громадная труба качнулась в нужном направлении и с ужасным грохотом обрушилась вниз на здание заводоуправления.

Сквозь пыль пробилось пламя, а вскоре в темноту неба взвились, как и было условлено, две красные ракеты. Миномет смолк, и вся рота пошла в атаку на позиции русских.

Браше, Гамбиц и Грунге остались на своей позиции. На углу здания затлели красные язычки выстрелов спаренного пулемета Максима. Четвертый взвод сразу же обрушил на этот узел сопротивления огонь своих минометов, а затем ворвался в здание, полное дыма и пыли, и рассыпался по нему. Тут и там по ним ударили русские автоматы. Пехотинцы ответили им, целя по вспышкам выстрелов.

Через три минуты последние очаги сопротивления были подавлены. Браше подбежал к северной стене здания и выглянул из разбитого окна на уходящий вниз склон. По ту сторону низины виднелись несколько холмов, с которых противник вел огонь по обжиговой печи из своих «тарактелок»²⁰.

В подвале здания солдаты обнаружили подземный ход, который связывал заводоуправление с производственными помещениями кирпичного завода. По всей вероятности, именно этот тоннель и использовался штурмовыми группами русских.

Сразу же была образована поисковая команда под руководством лейтенанта Гейнриха, которой придали и пулеметный расчет Браше. Команда эта прошла по подземному ходу и взорвала его там, где он выходил в низину. После того как сработала взрывчатка, у противника уже не было никакой возможности попадать в систему подземных проходов.

В период боев у обжиговой печи все трое старших ефрейторов постоянно были на передовой. Не единожды ходили они и в разведку на противоположные высоты.

Наступил январь 1942 года. Стоял жгучий мороз. 12 января рота Кумма сменила 2-ю роту в «шумном бункере». Бункер с таким прозвищем располагался справа от обжиговой печи. Ведший к нему проход снизу из долины реки Каменки был прикрыт минным полем. По ту сторону речной долины – в ста метрах по прямой – на одной из возвышенностей находились шесть русских дзотов. Оттуда им открывалась прекрасная зона обстрела.

Вся «штурмовая группа Гейнрих» – два пехотных отделения, саперное отделение и усиленное подразделение огнеметчиков – теперь располагалась в этом бункере.

²⁰ «Т а р а х т е л к а» – солдатское прозвище русской 76-миллиметровой полевой пушки. (Примеч. авт.)

Прошло несколько дней. За это время командир полка, инженер-полковник доктор Риттер фон Вебер, разработал план операции, и в полночь 3-я рота заступила на смену штурмовой группе.

Когда на высоте 189 – расположенной в нескольких сотнях метров и чуть ниже «шумного бункера» – открыла огонь зенитная артиллерия дивизии, штурмовая группа выступила вперед. Она спустилась на дно низины, продвинулась несколько дальше и поднялась по крутому откосу. Браше с товарищами нашел обледеневшую канавку, в которой они смогли на какое-то время укрыться. Метрах в тридцати над ними раздалась автоматная очередь. Через несколько минут они уже были на верху косогора, и Гамбиц выстрелил по красноармейцам. Браше на ходу дал очередь от бедра по дульному пламени пулемета, установленному в дзоте, и заставил его замолчать. Лейтенант Гейнрих с тремя пехотинцами ворвался во вражескую траншею. Они тут же развернули установленный здесь «Максим» в противоположную сторону и открыли из него огонь. Огнеметчики подавили соседний узел сопротивления. Вонь горящей огнесмеси, которая языками метров по тридцать протянулась в сторону неприятеля, донеслась даже до Браше. Оттуда раздалось ужасающие крики, и все смолкло. Он бросился по траншее вперед, по пятам за ним следовал Гамбиц, Грунге же держался метрах в двенадцати за ними, неся коробки с пулеметными лентами. Они открыли огонь по небольшому пулеметному гнезду, захватили ручной пулемет и подавили сопротивление противника.

Рота заняла высоту, которая с тех пор стала именоваться «позиция Гейнриха». Русские четыре раза безуспешно пытались отбить эти дзоты. Но все их атаки, в которых два раза участвовали силы до батальона пехоты, были отбиты. Именно здесь Браше и стал известен как «фейерверкер». Растяжки, которые он соединил с осветительными ракетами и пиропатронами, производили ошеломляющее действие на русских.

Пятая атака противника была поддержана его танками. Установленные на высоте 189 зенитки подбили несколько машин, еще четыре попали на минное поле. Тем не менее русская пехота продолжала наступать и тоже попала на минное поле. Взлетевшие ракеты осветили красноармейцев, запутавшихся в малозаметных препятствиях. Огонь из всех пулеметов положил конец и этой атаке.

Уцелевшие танки попытались подавить огонь зениток. На помощь к ним подошли новые Т-34, которые шли, ведя огонь на ходу. За ними следовали свежие подразделения пехотинцев. Огонь пулеметов и снаряды танковых орудий обрушились на дзоты. Пуля «Максима» заставила замолчать пулемет Браше, но Грунге удалось вовремя оттащить его и еще пару человек в укрытие.

Едва они успели скрыться в подбрустверном укрытии, как над ними нависла громада русского танка, обдав их вонью солянки и оглушив лязганьем гусениц. Через пару секунд Т-34 проутюжил траншею. Едкие выхлопные газы забили дыхание. Одна стенка траншеи подавалась под грузом и осела. Но, на счастье наших героев, твердая как камень промерзшая почва все же выдержала вес стального чудовища.

– Уходим отсюда! – крикнул Гамбиц, перекрывая рев работающего на холостом ходу двигателя.

Они на четвереньках выползли из-под подбрустверного укрытия, выбрались из траншеи и оказались лицом к лицу с несколькими русскими, которые шли, прикрываясь корпусом танка. Красноармейцы были тут же сметены очередью из автомата Грунге.

Внезапно в борт Т-34 ударил снаряд из зенитного орудия, и несколькими секундами спустя пламя уже охватило всю боевую машину. Но тут на высоту накатилась новая волна русских пехотинцев. Она надвигалась на защитников высоты подобно приливу.

– Назад, назад! – прокричал лейтенант Гейнрих, выпуская в воздух условленную ракету.

Едва ли половина солдат смогла добраться до «шумного бункера» по ту сторону низины.

– Теперь мы можем праздновать в этот день наше второе рождение, – сказал Грунге в своей обычной суховатой манере, когда смог отдышаться.

Здесь, на пространстве между «шумным бункером» и «позицией Гейнриха», Браше стал частью кровного фронтового братства. Миновал февраль. Шесть раз захватывали бункер русские, и шесть раз им приходилось снова оставлять его.

Между тем командиром полка, который к этому времени разросся до размеров 93-й стрелковой бригады, стал полковник Оскар Радван²¹, который еще в звании подполковника был награжден 19 июля 1940 года Рыцарским крестом.

Утром 7 марта русские при поддержке танков снова штурмовали германские позиции, и снова пулеметный расчет Браше был в самой гуще происходящего. Русский снайпер прицелился через оптический прицел в первый номер пулеметного расчета. Браше еще успел заметить вспышку выстрела. Но не успел он ответить на этот выстрел огнем пулемета или нырнуть в укрытие, как сильный удар в лоб лишил его сознания и отбросил навзничь.

Но когда он пришел в себя, то первое, что он увидел, было лицо его товарища – Грунге.

– Что... что произошло, Вильгельм? – едва смог выговорить он, в то время как Грунге перевязывал ему голову.

– Ну, слушай, тебе и повезло! Пуля пробила тебе каску. Но при этом она отклонилась в сторону и только поцарапала тебе черепушку. А потом она ушла вниз, в плечо, потому что там есть отверстие в шинели.

Поискав вокруг, они нашли кнопку от наплечного клапана шинели. Она была расплюсчена пулей, вылетевшей из-под пробитой каски.

Лишь после отражения атаки русских Браше попросил санитаров перевязать его и был тут же отправлен в лазарет. Во время следующей атаки, которая произошла в ночь на 8 марта, был ранен Гамбиц, стоявший несокрушимо, как крепостная башня. Пуля оторвала ему указательный палец на левой руке. Несмотря на ранение, он остался на своем месте у пулемета, но уже в качестве второго номера, тогда как Грунге занял место первого.

Атака русских и в этот раз не смогла преодолеть первую линию германской обороны благодаря стойкости этих людей. За свой последний исключительный подвиг Рихард Гамбиц 3 июня 1942 года был награжден Рыцарским крестом.

Когда Браше после ранения вернулся в свою роту, его друг Гамбиц²² был уже переведен в другое подразделение. Но здесь все еще служил Грунге, этот могучий неповоротливый пруссак.

В начале сентября 1942 года на высоте 419 Браше снова встал в строй своей прежней роты. Вся дивизия с рубежа реки Миус через Дон и Кубань наступала на Кавказ, заняла Краснодар и Майкоп, продвинулась южнее Терека и теперь располагалась в двадцати километрах южнее Моздока в предгорьях Большого Кавказского хребта, чьи вершины уходили в синее небо за ее позициями на высоту в 5043 метра. От высоты 419 Браше с командой из шести своих однополчан следовал теперь еще выше, через перевал к высоте 489, где им предстояло держать оборону.

Лейтенант Кёлер, передовой артиллерийский наблюдатель дивизии, был в этой команде единственным офицером.

Со своей продуваемой всеми ветрами высоты он корректировал огонь артиллерии дивизии.

²¹ Полковник Оскар Радван погиб 18 июля 1942 г. (Примеч. авт.)

²² Рихард Гамбиц погиб 25 апреля 1944 г. в звании унтер-офицера.

Весь день 13 и 14 сентября русские вели обстрел передовой позиции наблюдателей. Все предвещало скорую атаку. В распоряжении группы Браше было восемнадцать ящиков ручных гранат и большое количество взрывчатки.

Вечером 14 сентября советская артиллерия перенесла весь огонь на высоту 489. Спустя час после полуночи их пехота пошла в атаку. Два батальона штурмовали высоты 419 и 489.

– Открыть огонь! – скомандовал Браше своей команде.

Заработали три ручных пулемета. Их очереди проделывали широкие просеки в рядах наступавших. Тем не менее многим красноармейцам удалось добраться до небольшой грядки и укрыться под ее защитой.

– Я сначала освещу их ракетой. А потом открывайте огонь! – крикнул Браше своим товарищам.

Он выбрался из укрытия и выпустил две белые осветительные ракеты поперек косо-гора и вниз. Ответом был бешеный огонь русских автоматов. Пули зацвиркали вокруг Браше и загнали его снова в укрытие.

– Вильгельм, сюда!

Держа в руках две гранатные сумки, к Браше подбежал запыхавшийся пруссак, и они вдвоем спрятались, сидя на корточках, за нависающим выступом скалы. Когда русские пехотинцы показались на перевале, друзья швырнули в них первые из снаряженных гранат. Многие из нападающих скрылись в дыму разрывов, но оставшиеся в живых открыли огонь из всего оружия и ринулись вперед.

– Ура! Ура! Ура!

Теперь Браше и Грунге метнули по несколько гранат из лежачего положения. Гранаты подкатились нападающим под ноги и там взорвались. Атакующие были уничтожены. Ни один из семи оборонявшихся не получил даже царапины.

Правда, высота 419 была противником занята. Теперь весь неприятельский огонь был сосредоточен на высоте 489.

– Мадель, ты прикрой нас огнем, а мы заложим несколько мин с растяжками! – сказал Браше.

Чуть позже он вместе с Грунге спустился к перевалу. Каждый из них нес по паре тарелочных мин, которые они заложили в подходящих местах. Затем подсоединили к взрывателям проволоку и протянули ее к своей позиции.

Спустя час советские солдаты снова появились на перевале. Когда они приблизились на четырехста метров, открыли огонь новые пулеметы МГ-42 (темп стрельбы 1500 выстрелов в минуту).

– Руди, слева! – крикнул Грунге.

Браше выпустил ракету и при ее свете увидел, что крупная группа красноармейцев приблизилась к двум из заложенных слева мин. Он дернул за проволоку, и огненный вихрь взрыва поглотил противников.

И снова Браше поднял ракетницу. С шипением из ее ствола вырвался огненный шар. В то же мгновение треснул выстрел. Браше почувствовал сильный удар. Ракетница, крутнувшись, вылетела у него из руки, больно ударив по пальцам. Но пуля лишь царапнула руку.

Мадель дал очередь из МГ. Спустя несколько секунд оба они слышали, как заработал второй пулемет, и вот наконец сработали обе мины, заложенные на правом фланге. Русские отступили, когда уже разгоралась заря раннего утра 15 сентября.

Через три часа после восхода солнца удалось установить прервавшуюся было связь с командным пунктом батальона.

– Нас здесь семь человек, господин капитан. Если мы должны удерживать эту высоту, то нам нужна помощь, – доложил старший ефрейтор.

– Мы отправим вам всех, без кого сможем обойтись, Браше. Прикройте их огнем и держитесь!

Но обещанное подкрепление не подошло, поскольку попало под минометный обстрел. Засевшие на высоте 489 пехотинцы слышали внизу разрывы мин. Наконец командир батальона сообщил по радиации:

– Браше, дорога к вам перекрыта неприятелем. Мы не можем никого послать. Те, которых было отправили, уничтожены. Мы попытаемся пробиться к вам ночью. А до этого времени вы должны продержаться. Ваша высота стала центром всей обороны. Все зависит от вас и вашей группы.

Браше в сердцах бросил трубку и дал отбой.

– Ясно, подкрепления не будет, – спокойно, как и всегда, произнес Грунге. – И нам остается только крутиться здесь самим.

Наступила вторая ночь на высоте. С осунувшимися лицами, небритые и грязные, семь человек лежали в своих укрытиях и вслушивались в ураганный огонь русских, проносившийся над ними. Браше переползал от одного к другому. Не обращая внимания на огонь, который к полуночи стал просто бешеным, он подобрался к склону перевала.

– Они сейчас вернутся! – доложил залегший здесь Грунге.

Браше посмотрел в бинокль. Он сразу же заметил несколько групп солдат противника, которые скрытно поднимались вверх по склону.

– Если мы подпустим их поближе, до выступа скалы, то сможем забросать их гранатами, Вильгельм.

– Отлично, Руди! Я как раз спрятал в углублении под скалой ящик с двадцатью ручными гранатами!

Они сообщили об этом решении оставшемуся у пулемета Кнайселю и поспешили вернуться вверх по горному откосу до углубления под выступом скалы, где и стали готовить гранаты к броску, свинчивая с их рукоятей колпачки. Браше проверил проволоку, соединенную с терочным запалом осветительных ракет, которые он установил в кустарнике в шестидесяти метрах от своего укрытия.

Русские приближались. Обе группы уже соединились. Теперь русских было примерно человек тридцать, и они явно намеревались завязать рукопашную схватку.

Как только они поравнялись с зарослями кустарника, Браше привел в действие запал осветительных ракет, а Грунге бросил первую из ручных гранат. Вслед за ним несколько гранат добавил Браше. Освещенные мертвенно-белым светом взлетевших ракет, русские от неожиданности замерли на месте. Взорвались брошенные гранаты, а пулемет Кнайселя выпустил длинную очередь. Менее чем через минуту после открытия огня противник был уничтожен. Но затем снова заработал русский миномет.

– Русские подходят с севера! – доложил расположившийся там пулеметчик.

Браше и Грунге бегом пересекли плато. Уже подбегая к его северной оконечности, они услышали крики «Ура!» русских пехотинцев. Йозеф Топплович, венгерский немец из команды Браше, указал рукой налево.

– Там, Руди! – запыхавшись, добавил он, указывая на подбегавших из темноты ночи красноармейцев.

Наступающие уже преодолели обрыв и бежали по плато. Браше и Грунге бросились им навстречу. Взорвались ручные гранаты. Затрещал автомат Браше. После краткого сражения противник был повержен, в том числе и та группа из двадцати красноармейцев, которой удалось взобраться по отвесной скальной стене.

Вторая атака застала обороняющихся в еще более трудном положении. Но и на этот раз они смогли отбить натиск противника с помощью тарелочных мин и ручных гранат. Однако запасы ручных гранат подходили к концу.

– Тащи сюда взрывчатку!

Браше схватил упаковку взрывчатки, которую ему протянул один из его товарищей. При лунном свете он смог рассмотреть, как внизу по склону движется плотная группа русских солдат, и швырнул туда трехкилограммовый сверток. Упаковка взорвалась с ужасающим грохотом.

Тут же на ноги вскочил венгерский немец и, прижав приклад автомата к бедру, выпустил весь магазин по уцелевшим русским. Но яркая вспышка взрыва русской гранаты швырнула его на землю. Он остановил атаку, но очень дорогой ценой. Когда подбежавший Браше склонился над своим товарищем, он понял, что тому ничем нельзя помочь.

В течение ночи русские еще три раза предпринимали попытки штурма, но всякий раз их отбрасывали назад. Когда поднялось солнце, его лучи осветили склон, усеянный телами погибших.

Весь день 17 сентября шестеро пехотинцев закладывали на высоте мины и тянули растяжки к их взрывателям. Браше организовывал оборону.

С наступлением темноты они снова, в четырнадцатый раз, отбили очередную атаку неприятеля. На этот раз высоко в небо взметнулись фонтаны разрывов.

Вспылки выстрелов внизу знаменовали собой приближение подкрепления. Батальон с помощью соседней части смог разомкнуть сжимающееся кольцо окружения и теперь прислал помощь.

За мужество Браше был произведен в унтер-офицеры. Объявляя о присвоении звания, командир батальона намекнул, что Браше ждут еще новые неожиданности. И вот 30 сентября пришло известие о награждении его Железным крестом 1-го класса.

Спустя два дня Браше был ранен в четвертый раз, теперь уже под городом Орджоникидзе, где он отбивал атаку русских. Рану он залечивал в госпитале в Кисловодске. 9 ноября он слушал по радио дневной выпуск новостей. И вот в конце передачи он услышал следующее известие:

«Фюрер и Верховный главнокомандующий вооруженными силами наградил Рыцарским крестом Железного креста обер-ефрейтора Рудольфа Браше, командира отделения мотопехотного полка, который со своим отделением, действуя автономно, в течение трех дней и ночей отбил 14 атак русских, наступавших силами до батальона, и обеспечил удержание позиций дивизии».

Через два дня Браше вызвали к главному врачу госпиталя. Когда он вошел в кабинет, то увидел там офицера в генеральской форме. Он тут же узнал обладателя этой седой головы с моноклем в правом глазу и вытянулся по стойке «смирно».

– Унтер-офицер Браше по вашему приказу прибыл, господин генерал!

Генерал от кавалерии фон Макензен, человек, который привел III танковый корпус к подножию Кавказских гор, сделал шаг навстречу Браше и дал знак адъютанту, который стоял у окна.

– Дорогой Браше, вы уже знаете, что наш фюрер наградил вас Рыцарским крестом. Я имею честь сегодня лично вручить его вам.

Закрепив награду на новом кавалере Рыцарского креста, генерал отступил на шаг и произнес слова, которые навечно запечатлелись в памяти Браше:

– Не будь таких солдат, как вы, Браше, наш корпус был бы окружен и уничтожен врагами.

Выйдя из госпиталя, Браше получил отпуск для окончательного выздоровления. Все жители Хальберштадта высыпали на улицы, оказывая восторженный прием своему земляку. Ближе к концу отпуска Браше встретился со своим другом Рихардом Гамбицем. По окончании отпуска он получил назначение в Магдебург, в запасную часть 13-й танковой дивизии. В октябре 1943 года переведен в 1-ю роту 901-го учебного мотопехотного полка, которая

некоторое время спустя была переброшена в Италию. До января 1944 года полк оставался в городе Фиуме. Затем он был переброшен в Нанси, где только что была создана учебная танковая дивизия. 901-му учебному мотопехотному полку предстояло стать основой создаваемой генерал-полковником Гудерианом крупнейшей германской танковой дивизии. Дивизия эта, по планам генерального инспектора танковых войск, должна была сыграть главную роль в отражении вторжения во Францию. В составе этой дивизии Браше в феврале 1944 года принял участие в оккупации Венгрии.

В мае 1944 года его полк был переведен обратно во Францию. На рассвете 6 июня 1944 года, при первом известии о готовящемся вторжении, полк был поднят по тревоге. Несмотря на то что подготовка к отражению сил вторжения завершилась несколько позже, чем предполагалось, он получил приказ выступить маршем в 17 часов, в самый разгар светового дня, на свой участок фронта прорыва.

Следуя маршем, дивизия потеряла более 100 машин, которые были уничтожены пикирующими бомбардировщиками противника.

1-я рота, в которой служил Браше, к утру 8 июня 1944 года подошла к городку Норрей, району сосредоточения полка, которым командовал полковник Георг Шольце. Отсюда танковая учебная дивизия была переброшена в район Тийи. 9 июня она должна была наступать в направлении Буэ, но получила приказ – поскольку наступление уже началось – вернуться обратно в Тилли.

В ночь на 10 июня дивизия, которая к тому времени уже снова обрела полную штатную численность, была переброшена на рубеж Кристо – Тийи-Нор – Верьер и Берньер – Ла-Бель-Элин – Тортваль – Сен-Жермен-д'Экто. Здесь ей была отведена полоса обороны протяженностью в 17 километров.

Чтобы обеспечить переброску дивизии на запад и северо-запад, 1-я рота 901-го мотопехотного учебного полка под командованием старшего лейтенанта Монца была выслана в направлении Баллери и получила приказ защищать левый фланг дивизии. Здесь, в ходе последующих сражений, унтер-офицер Браше снова отличился, подбив танк из состава британской 7-й гусарской дивизии. Вражеские боевые машины двигались на Тилли, намереваясь охватить город с двух сторон.

1-я рота действовала в боевом порядке «углом вперед». Третий взвод, находившийся на острие передового клина, шел авангардом, на расстоянии примерно в сто метров за ним двигался второй взвод, а замыкал порядок четвертый взвод с ручными пулеметами и гранатометами. Обер-лейтенант Монц находился несколько впереди порядков третьего взвода.

Унтер-офицер Браше, который со своей группой гранатометчиков, вооруженных фаустпатронами, находился во втором взводе, ненадолго остановился, когда слева показалась небольшая ложбина, открывавшаяся к шоссе. Он уже хотел было продолжить движение, когда обер-ефрейтор Лангеманн крикнул ему:

– Слева танк, Руди!

Браше тут же бросился в укрытие. Падая в кювет, он расслышал завывание еще нескольких танковых моторов. Через несколько секунд показалась первая боевая машина. Это был «Шерман» с короткоствольным орудием, слева от маски орудия выглядывал ствол пулемета. Из-за корпуса танка выползали еще три таких же чудовища. Они замедлили на повороте, а затем выползли на шоссе.

– Беккер, сообщи командиру: танки слева. Выходят во фланг роте!

Обер-ефрейтор Беккер бросился выполнять приказ, а Браше перебежал к левой обочине шоссе и упал там в кювет. Он вскинул фаустпатрон, нацеливая его на передовой танк, чьи гусеницы уже лязгали совсем недалеко. Все ближе и ближе придвигался стальной гигант, обдавая Браше облаками выхлопных газов.

Танк уже целиком закрыл собой визир прицела, и Браше нажал на спуск. Из фаустпатрона метнулся назад огненный язык раскаленных газов, а граната полетела в танк и ударила его под нижний край башни. Словно приподнятая невидимыми руками духов, массивная башня, сорванная с башенного погона, взлетела в воздух и с гулким лязгом приземлилась на второй танк. Почти одновременно с этим выстрелил третий «Шерман», и позиции роты превратились в огненный ад.

– За мной! – крикнул Браше, вскидывая фаустпатрон на плечо.

Он бежал параллельно ложбине на запад. Рядом с ним топал Ганс Кек, за ним Хилл и Лангеманн с гранатами для фаустпатрона.

Все тот же танк снова выстрелил в тот момент, когда группа уже миновала поворот дороги к северу. Справа от них выстрелили еще два танковых орудия, послышалось и несколько выстрелов из скорострельной пушки. Огоньки трассирующих снарядов протянулись на северо-восток, туда, где должен был находиться третий взвод.

– Вперед! Если мы подобьем последний танк в колонне, то перекроем путь назад и всем остальным! – бросил на бегу Браше.

Низко пригнувшись, они продвигались вперед. Пулеметные очереди то и дело взбивали землю вокруг них, пока они не добежали до мертвой зоны. Пламя, вырвавшееся из башенного орудия, дало им знать, где находится последний танк.

Браше, спотыкаясь на кочках, бросился к ложбине. Заметив башню «Шермана», выползающего из кустарника, он вскинул фаустпатрон на плечо и снял его с предохранителя. Новая граната полетела к танку. И снова полыхнуло пламя за спиной. Граната, ударившись в бортовую броню танка, пробила ее насквозь. Еще через секунду с оглушительным грохотом в танке сдетонировала боеукладка.

Там, где должен был находиться четвертый взвод, раздались хлопки выстрелов из 80-миллиметрового миномета. Ни секундой раньше, но именно в тот момент, когда появилась двигавшаяся за танками пехота. Мины стали взрываться все ближе и ближе к группам бегущих пехотинцев. Противник был вынужден залечь.

– Хилл и Лангеманн, за мной! Остальные прикрывают нас!

Браше прорвался сквозь заросли кустарника к стенке ложбины. Он повел стволом автомата и дал одну за другой три короткие очереди, пока Хилл занимался «Шерманом». Тот, подбираясь к танку, уже держал наготове связку из трех гранат. Хиллу удалось взобраться на стоящий танк и открыть люк. Швырнув связку гранат в боевое отделение, он одним прыжком соскочил как можно дальше в сторону. Взрыв уничтожил весь экипаж танка.

Пока Хилл уничтожал стальное чудовище, унтер-офицер Браше продирался сквозь густой орешник. Выйдя к самому склону, он, наконец, увидел следующий «Шерман» едва ли не в пяти метрах от себя.

Этот танк вел огонь в направлении юга, по тому взводу, который все еще продолжал обстрел пехоты из миномета. Браше вытащил из-за пояса четыре ручные гранаты, связал их вместе, скрутил со средней колпачок и стал осторожно сближаться с танком. Лангеманн, Хилл и остальные прикрывали его огнем из автоматов. Браше удалось незамеченным подобраться к корме танка. Он слышал голоса экипажа, клацанье оружейного затвора и бросил связку гранат под выступающую часть башни на приподнятую корму танка. Падая в укрытие, он услышал взрыв четырех гранат.

Из моторного отделения чудовища вырвался язык пламени, взрывная волна распахнула люки машины изнутри. Экипаж стал выбираться из горящего танка. Браше со всех ног бросился к своим товарищам.

– Группе Браше следовать вдоль края ложбины! – отдал приказ обер-лейтенант Монц, который возвратился к третьему взводу. – Две другие группы первого взвода подходят справа.

Под прикрытием зарослей кустарника они добрались до конца ложбины. На другой ее стороне в небольшом леске они заметили солдат противника.

– Там их будет до батальона, – задумчиво произнес Лангеманн.

– Пожалуй, я достану до них из «фауста», – сказал Браше, тут же прицеливаясь.

Взрыв противотанковой гранаты разметал солдат противника. Обер-лейтенант Монц мог начать организацию линии обороны.

В приказе по дивизии от 11 июня заслуги Браше были отмечены особо.

Спустя два дня положение в районе Тилли несколько стабилизировалось. 1-я рота расположилась в небольшой рощице неподалеку от местечка Линжевр. В самом Тилли расположился капитан Филлипс, командир 5-й роты 901-го мотострелкового полка, который отбил атаку превосходящих сил противника.

Во второй половине дня 12 июня рота Монца получила приказ продвинуться дальше и занять более выгодный рубеж обороны. Противник непременно должен был попытаться предпринять фланговый обхват наших позиций.

Рота медленно выдвигалась с оставляемых ею позиций. На этот раз во главе ее двигался первый взвод, идя для обеспечения флангового прикрытия впереди основной массы личного состава по правой обочине шоссе. Замыкал походный порядок – как и всегда – четвертый взвод. Когда стало смеркаться, они остановились на большом лугу, который был покрыт какими-то кустами круглой формы. Группа Браше прошла чуть дальше и остановилась у живой изгороди, которой заканчивался луг.

– Здесь идет какая-то канава, Руди. Это была бы неплохая позиция! – произнес кто-то.

Унтер-офицер прыгнул в канаву и положил фаустпатрон на ее край. Он попробовал через просвет в кустах изгороди навести прицел на луг. Это оказалось невозможно сделать.

– Подкопайте-ка вот здесь поглубже! – приказал он после секундного раздумья.

Когда его группа с ворчанием принялась выполнять приказ, Браше несколькими ударами саперной лопатки расширил просвет в изгороди и протолкнул сквозь него фаустпатрон.

– Ганс, сделай то же самое и для второго фаустпатрона! – крикнул он одному из своих товарищей.

Закончив обустройство, Браше прошелся вдоль живой изгороди до восточного ее края. Там он наткнулся на своего друга, унтер-офицера Гёренца.

– Ну а у тебя какой обзор, Карл Хайнц? – спросил он.

– Да ни черта не видно! Приходи попозже к грузовику с рацией, мы хотим перебраться там в скат²³ с Веттерау. Встретимся у него.

Доложив командиру роты, он снова вернулся к своей группе. Чуть позже к ним подошел обер-лейтенант Монц.

– Будьте начеку, Браше! Враг может появиться перед нами совершенно неожиданно.

С этими словами лейтенант пошел дальше. Через несколько минут он прошел обратно вместе с командиром третьего взвода.

Прошло полчаса, как вдруг луг перед ними ожил. Меньше чем в сорока метрах перед живой изгородью взревел мотор танка. Из выхлопной трубы вырвался язык пламени. Громкий темный силуэт двинулся вдоль изгороди, держа путь на ее восточный угол. Рев усилился, и Браше понял, что к ответвлению рва приближаются четыре танка. Если они переберутся через него, то раздавят весь первый взвод, залегший в основном рву.

Недолго раздумывая, Браше схватился за фаустпатрон. Тут же к нему подбежал Лангеманн и помог справиться с длинной трубой. Выбравшись из рва и пробежав вдоль изгороди, им удалось обогнать медленно двигавшийся танк. На углу Браше заметил просвет в кустарнике.

²³ С к а т – карточная игра для трех игроков с использованием колоды в 32 карты.

– Туда, Лангеманн!

Они бросились на землю и пристроили рядом длинную трубу. К ним уже приближался первый танк. Унтер-офицер прицелился в него и нажал на спуск. Шипение вылибного заряда и сухой треск разрыва прозвучали почти одновременно. Из танка вырвалось ярко-красное пламя.

И почти сразу же темноту ночи разорвали оранжевые вспышки выстрелов нескольких танковых орудий. Прямо перед живой изгородью остановились подошедшие к ней «Шерманы». Браше навел фаустпатрон на следующий танк. Спустя пару секунд и этот танк уже был объят пламенем. Остальные дали задний ход и отошли в глубь луга, а два горящих освещали ночное поле боя.

Теперь вели огонь по крайней мере сорок танковых орудий. Браше с Лангеманном бегом вернулись к своим людям и выпустили еще несколько фаустпатронов по врагу. Заухал миномет, и при свете осветительной мины Браше увидел, что за танками подходит неприятельская пехота.

Пулеметчики открыли кинжальный огонь из автоматов и МГ-42. Одна группа солдат сумела приблизиться едва ли не вплотную. Браше вел огонь, целясь на вспышки выстрелов их автоматов. Вспыхнула осветительная ракета. Сильный удар в левое плечо бросил его на дно рва.

– Война для тебя закончилась! – лаконично заключил Лангеманн, пару минут спустя перебинтовывая рану. – Ничего страшного, но ты вышел из строя, Руди!

При подбитии одного вражеского танка средствами ближнего боя был также тяжело ранен обер-лейтенант Монц. Но и на этот раз противник был остановлен. Уже во второй раз Браше, подорвав два вражеских «Шермана», остановил наступление танкового полка противника.

Мотопехотинцы учебной дивизии заняли прочную оборону в районе Тилли. На этом рубеже их дивизия оборонялась вплоть до вечера 18 июня 1944 года. Свой вклад в то, что этот город удерживался столь долго, внес и унтер-офицер Браше, наряду с 160 офицерами и 5400 рядовыми дивизии. Его заслуги были отмечены в приказе по дивизии от 15 июня.

Некоторое время унтер-офицер провел в лазарете города Туттлинген, а в конце августа был переведен в запасную часть полка, расположенную в районе Кюстрина. Здесь его застали два известия: во-первых, его друг Рихард Гамбиц в ходе отражения русского наступления пал в бою на Днестре. Во-вторых, его друг Вильгельм Грунге, который по-прежнему служил командиром пулеметного расчета в звании обер-ефрейтора 93-го мотострелкового полка, 25 июля 1944 года был награжден Рыцарским крестом.

Таким образом, все три обер-ефрейтора пулеметного расчета Браше стали кавалерами Рыцарского креста.

Несколько недель Браше готовил молодое пополнение для своего полка. Он рвался на фронт. И вот в составе огнеметного взвода штабной роты принял участие в Арденнской операции. Браше обслуживал курсовой пулемет огнеметного танка, который был установлен за местом механика-водителя танка, когда они шли к своей цели, южнее Бастони на Рошфор. Ему пришлось пережить много налетов пикирующих бомбардировщиков и участвовать в начавшемся 5 января 1945 года отступлении, во время которого четыре бронетранспортера огнеметного взвода могли передвигаться только по ночам.

1 февраля 1945 года Рудольф Браше получил звание фельдфебеля. Последний бой он принял у места под названием Юдемер-Брух. В этом бою Браше был ранен осколком снаряда в плечо. Так для него закончилась война.

С первого и до последнего дня этой войны Браше был на переднем крае. Шесть раз он был ранен и получил золотую нашивку за ранения.

* * *

РУДОЛЬФ БРАШЕ

Родился 17 августа 1917 года в Хальберштадте

Последнее воинское звание: фельдфебель

Награды: Железный крест 2-го и 1-го классов

Награжден Рыцарским крестом 9 ноября 1942 года

Браше имеет шесть нашивок за подбитые им танки

Полковник Альберт Брукс Бросок на Майкоп

Ранним утром 19 июля 1941 года над горизонтом поднимался кроваво-красный диск солнца. Капитан Альберт Брукс встречал этот рассвет на передовой своего батальона, поскольку, как стало известно из показаний военнопленных, свежая кавказская дивизия готовилась к захвату плацдарма у местечка Перевоз на реке Ирпень к юго-западу от Киева.

– Подпустить на расстояние ста метров!

– Ура! Ура! Ура! – расслышали обороняющиеся крики идущих в атаку русских.

– Давай, Лёффлер! – бросил капитан первому номеру пулеметного расчета, принявшему к своему МГ-42.

Длинная пулеметная очередь стегнула по противнику, который накануне уже дважды атаковал. Одновременно заработала еще дюжина пулеметов в других точках обороны. Капитан Брукс видел, как первая волна наступающих кавказцев смялась, как падали друг на друга русские солдаты, как они пытались найти хоть какое-то укрытие на гладкой, как стол, равнине.

Артиллерия русских открыла огонь. Перед германскими позициями взметнулись фонтаны земли от разрывов тяжелых снарядов. Сквозь завесу пыли и песка, повисшую в воздухе, едва были различимы силуэты русских солдат.

– Справа впереди! – крикнул обер-лейтенант Клаус.

Два ручных пулемета перенесли свой огонь на наступающего с этого направления противника. Оба находившихся на флангах противотанковых орудия также вели огонь. Атака была отбита.

Затем Брукс перевел резервную роту на передовые позиции, а первую роту, которая приняла на себя основной удар вчерашней атаки, отвел в тыл.

– Миномет держать наготове! Орудия и пулеметы навести на ложбину!

Поднявшись в бронетранспортер и стоя рядом со стрелком, капитан Брукс отдал своему батальону соответствующие приказы. Обдумывая следующее сражение, он понял, что для отражения следующей атаки ему понадобятся все еще остававшиеся у него резервы.

Капитан Брукс командовал батальоном с 7 июля. В этот день он – командир 1-й роты – при прорыве линии Сталина был ранен пулей в плечо. В ходе этого же сражения был тяжело ранен командир батальона. Как старший по званию из оставшихся в живых офицеров, Брукс принял командование батальоном, залечивая свою рану на ходу.

Четвертая атака противника не заставила себя долго ждать. Русские атаковали с заранее подготовленных позиций. И снова Брукс находился в самых горячих местах, командуя своими людьми.

С наступлением темноты подошла смена. К плацдарму подтянулись части 25-й моторизованной пехотной дивизии, общая численность которых была раз в восемь меньше, чем у противостоящих им русских.

Но капитан Брукс не отошел со своим батальоном в тыл на отдых. Зная всю тяжесть положения, он принял решение отвести батальон чуть в глубину от переднего края, чтобы в случае необходимости сразу же прийти на помощь своим товарищам.

На рассвете 20 июля русские предприняли новую атаку и расширили плацдарм, капитан Брукс сразу же бросил свои части против наступающих.

– Вперед, ребята, в траншеи! На помощь своим товарищам! – крикнул он.

Брукс сам повел своих людей в атаку. Они достигли передовой и очистили уже частично занятые противником траншеи.

В ходе дальнейшего наступления капитану Бруксу удалось добраться даже до своего прежнего командного пункта, где в плен ему сдались девяттеро русских. Этой ночью все совершенное Бруксом вполне заслуживало Штурмового знака.

Альберт Брукс родился 11 ноября 1907 года в городке Лаубан в Силезии. В 1926 году он в качестве профессионального солдата поступил на службу в 8-й пехотный полк, в 1934 году был произведен в лейтенанты, а год спустя по закону от 1 февраля 1934 года стал обер-лейтенантом.

1 октября 1935 года он прибыл в Магдебург в только что сформированный 66-й пехотный полк. Этот полк был частью 13-й пехотной дивизии, которая после ввода в ее состав бронетанковых сил еще в 1935 году стала моторизованной пехотной дивизией. 66-й пехотный полк был преобразован в 66-й стрелковый полк, а в июне 1942 года стал мотопехотным полком.

В этом полку Брукс был последовательно командиром разведки, командиром роты, командиром батальона, а затем и всего полка.

В ходе Польской кампании обер-лейтенант Брукс командовал 1-й ротой полка. В сражении под городом Кок он получил боевое крещение. За это сражение он был награжден Железным крестом 2-го класса.

Годом позже, в войне против Франции, он все так же был командиром роты. За взятие города Ля-Фер и оперативный захват моста через канал в этом городе он был награжден Железным крестом 1-го класса. Затем, после выигранного сражения на Роне, он был досрочно произведен в капитаны.

Командир 13-й пехотной моторизованной дивизии генерал-майор Фридрих Вильгельм фон Роткирх унд Пантен 15 августа 1940 года был награжден Рыцарским крестом.

По окончании войны с Францией 13-я пехотная моторизованная дивизия была преобразована в 13-ю танковую дивизию.

В начале сентября 1940 года дивизия в качестве учебной была введена в Румынию и расквартирована в Петерсберге, в пяти километрах севернее Кронштадта, и 10 ноября 1940 года участвовала в проходившем там параде в честь дня рождения короля Михая.

Когда 6 апреля 1941 года начались военные действия на Балканах, дивизия была переброшена в район Железных Ворот и выполняла там задания по обеспечению безопасности.

В мае 1941 года дивизия была переброшена в район восточнее Оппельна. Здесь дивизия вошла в состав III танкового корпуса под командованием генерала от кавалерии фон Макензена.

Около полудня 22 июля 1941 года 13-я танковая дивизия форсировала реку Буг в районе польского города Гржибецов. С самого начала войны с Советским Союзом 1-й бронетранспортерный батальон был прикомандирован к 4-му танковому полку.

Капитан Брукс со своей 1-й ротой шел в атаку вслед за танками, когда они вышли на оперативный простор и двинулись в юго-восточном направлении от города Влодзимерск.

В состав III танкового корпуса входили также 14-я танковая дивизия и танковые дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг». Главной стратегической задачей корпуса был захват Киева.

Дивизия двигалась вперед с боями по широкой равнине, покрытой кустарником. 6 июля она подошла к местечку Хулск, юго-восточнее Цвиахеля. Здесь начиналась линия Сталина – глубоко эшелонированная система полевых укреплений и долговременных огневых точек. Как было известно Бруксу, Цвиахель являлся главным пунктом этой оборонительной линии. Попытка 14-й танковой дивизии взять город с марша успехом не увенчалась, но 13-я танковая дивизия оборону прорвала. Несмотря на ранение в руку, он принял коман-

дование 1-м батальоном вместо тяжело раненного командира и командовал им до ноября 1942 года.

Генерал-лейтенант фон Роткирх унд Пантен, как и во Франции, шел во главе дивизии. С 20 до 23 июля III танковый корпус захватил плацдарм под Фастовом для нового броска на юго-восток.

24 июля бронетранспортерный батальон Брукса вновь соединился со своим танковым полком. Следующей целью была Смела. Поздним вечером 30 июля полк вышел в район Корсуня. На восточном фланге клина, которым двигалась дивизия, капитан Брукс утром 31 июля западнее Корсуня обнаружил позиции русских. И хотя Брукс командовал не более чем усиленной ротой, он повел ее в атаку.

– Вперед! – прозвучал его приказ в переговорном устройстве, и бронетранспортеры устремились на позиции окопавшегося противника.

И тотчас же в ответ на них обрушился огонь тяжелой артиллерии, противотанковых орудий и минометов.

– Спешиться! Вперед, в атаку!

Вскоре они уже врезались в расположение противника. Завязалось недолгое сражение, закончившееся рукопашной схваткой. Трещали выстрелы, взрывались ручные гранаты, свистели осколки.

Эта совершенно неожиданная атака ошеломила противника, который стал сдаваться целыми группами. Капитан Брукс открыл для всей дивизии дорогу на Корсунь и сделал возможным захват этого города.

Трофеи маленькой группы составили десять 150-миллиметровых орудий, три противотанковых орудия и десять тяжелых минометов. В плен сдались более 500 человек.

Таким образом Брукс, который со своими мотопехотинцами с 22 июня постоянно находился в боевых порядках 4-го танкового полка, одержал крупный успех. Как уже много раз и до этого, он со своим маневренным подразделением бронетранспортеров оказался в нужное время в нужном месте, чтобы достаточно ограниченными силами нанести удар в самое слабое место противника и одержать победу.

В последующем он еще быстрее рвался вперед. Следующей крупной целью дивизии стал Майкоп, тогда как 14-я танковая дивизия получила приказ захватить мосты через Днепр в районе Кременчуга. Но эти речные переправы были своевременно взорваны русскими.

Ранним утром 9 августа мотопехотинцы 1-го батальона заняли свои места на танках, прорвались с боем к городку Крюков и нагнали идущую в тыл колонну русских – по всей видимости, обоз.

– Не останавливаться! Обогнать! Если окажут сопротивление – открыть огонь! – приказал Брукс.

И они понеслись дальше. 9 августа Крюков был взят.

Только в этом взятом городе капитан Брукс узнал, что за свой успех в июне он штабом дивизии был представлен к награждению Рыцарским крестом. К 25 августа он со своим подразделением был уже в Днепропетровске. Бронетранспортер Брукса одним из первых ворвался в город. Вся излучина Днепра от Днепропетровска до Херсона теперь находилась в руках 1-й танковой армии под командованием фельдмаршала фон Клейста.

Директива Гитлера от 21 августа 1942 года ставила новые цели перед капитаном Бруксом и его людьми. Она гласила:

«Важнейшей целью, которая должна быть достигнута еще до наступления зимы, является не взятие Москвы, но захват Крыма, с тем чтобы отрезать промышленный и сырьевой район Донецка и перерезать пути снабжения нефтью из региона Кавказа».

Это означало, что теперь вермахту предстояло продвигаться не на восток СССР, но на юг и юго-восток.

Вплоть до 22 сентября дивизия оставалась на своих позициях под Днепропетровском. С 15 сентября она – уже не в составе III танкового корпуса – принимала участие в уничтожении окруженной группировки советских войск в районе Киева. Двумя днями позже, 17 сентября 1941 года, Альберту Бруксу был вручен Рыцарский крест.

В ходе последующих сражений он всякий раз стремился полностью использовать все возможности своих мобильных ударных подразделений. В ходе сражения под Киевом, в котором с германской стороны три пехотные армии, две танковые группы и 4-я воздушная армия противостояли семи русским армиям, участвовала еще и 13-я танковая дивизия. Лишь 23 сентября она была снова введена в состав III танкового корпуса. После победы в битве за Киев она должна была нанести удар на правом фланге корпуса в направлении Орла и Спасского. Дивизия выступила 27 сентября. А 28 сентября предмостное укрепление противника, которое еще оставалось здесь, было взорвано.

По приказу армейского командования 13-я танковая дивизия 30 сентября двинулась на север, чтобы прийти на помощь соседней армии справа.

В ходе последовавшего танкового сражения русские потеряли 47 танков. И снова мотопехотинцы под командованием Брукса двигались в авангарде всей дивизии и через Перечепино подошли к Орлу.

1 октября дивизия сконцентрировалась у селения Голубовка и снова вошла в состав III танкового корпуса.

Двигаясь стремительным маршем, 13-я танковая дивизия сломала сопротивление противника под Раздорами и Троицким и нанесла удар в направлении Новониколаевки. 5 октября батальон БТРов Брукса уже вступал в этот город. Под Федоровкой русские пытались пробиться из котла, в который их замкнула 13-я танковая дивизия. Попытка эта была отбита.

Наступило 20 октября. Дивизия, наступая вдоль побережья Азовского моря на Ростов, захватила один мост через Донской-Чулек и второй – севернее Крыма. 23 октября мотопехотинцы отбили сильный контрудар. Наступление на Ростов продолжалось.

Мосты через Дон в районе Ростова были захвачены в целости и сохранности танковой дивизией «Лейбштандарт». Этим были практически распахнуты ворота, ведущие на Кавказ.

Это хорошо понимали и русские. И нет ничего удивительного в том, что маршал Тимошенко со своими 9-й и 37-й армиями нанес удар в промежутке, образовавшийся между германскими 17-й армией и 1-й танковой группой. Удар этот был нацелен в тыл далеко выдвинувшемуся вперед III танковому корпусу.

Перед лицом сложившейся критической ситуации генерал фон Макензен снял с фронта 13-ю и 14-ю танковые дивизии и направил оба соединения на рубеж Тузлова, где они вступили в тяжелые сражения. Фронт III танкового корпуса растянулся на 115 километров и не мог больше удерживаться против превосходящих сил русских. Поэтому фельдмаршал фон Рундштедт испросил разрешение на отход от Ростова. Гитлер, напротив, приказал ему удерживать Ростов. Фельдмаршал отказался выполнять этот приказ – и был заменен.

Все же 1 декабря 1941 года его преемник, фельдмаршал фон Рейхенау, должен был потребовать отвода фронта до реки Миус. Гитлер согласился лишь на эту меру. Началась зимняя кампания в нижнем течении Миуса. Севернее Таганрога у села Покровского дивизия стала организовывать оборонительные позиции. Зимой, в снежные бури, очень часто переходящие в свирепые ураганы, мотопехотинцы лежали на своих позициях. Снежные сугробы метровой высоты исключали всякое передвижение. Несмотря на это, удары русских каждый раз бывали отбиты.

1 февраля 1942 года капитан Брукс был произведен в майоры.

После таяния снега и весенней распутицы 13-я танковая дивизия, теперь в соединении с 17-й армией и LVII армейским корпусом, выступила в направлении к Дону. Целями

наступления снова были объявлены Ростов и Батайск. II армейский корпус под командованием генерала Венка начал штурм Ростова. Город, лежащий в устье Дона, следовало любой ценой отбить у русских. Еще одним обстоятельством, побуждающим к этому, стало то, что крупные мосты через Дон в черте города были необходимы для дальнейшего наступления.

Одновременно с этим III танковый корпус под командованием генерала Макензена двигался к Ростову с севера.

Тем временем генерал-лейтенант фон Роткирх унд Пантен назначил командиром 13-й танковой дивизии генерал-майора Трауготта Герра, который командовал ранее 13-й стрелковой бригадой.

Русские превратили город в ошетилившуюся оружием и прикрытую широкими минными полями крепость. 22 июля началось наступление 93-го стрелкового полка, приступившего к городу с западного направления. Майор Брукс со своим батальоном БТРов поддерживал бронетанковую группу усиленного 4-го танкового полка.

Он со своим батальоном наступал на врага вдоль шоссе Сталино'—Ростов. На северной окраине города они попали под огонь тяжелой артиллерии, но вскоре все же подошли к городским предместьям.

— Высадиться с машин! Пробиваться между домов!

Мотопехотинцы в пешем порядке стали углубляться в кварталы городской застройки. Каждый дом приходилось брать с боем. На следующий день продвижение и штурмы продолжались.

— Осторожно, Газа, посматривай направо! — предупредил Брукс обер-лейтенанта и командира 2-й роты, заметив два противотанковых орудия. — Я прикрою тебя огнем. Тогда ты сможешь прорвать оборону, форсировать реку и захватить мост, на который ведет эта улица.

Пока 2-я рота под командованием Вальдемара фон Газена, по прозвищу Газа, осуществляла этот план, ведя ожесточенную перестрелку с неприятелем, Брукс прикрывал ее оголенный фланг.

Заграждения и баррикады на улицах изрядно мешали работе танковых орудий. 43-й батальон мотоциклистов 13-й танковой дивизии захватил северный берег Дона и в лабиринте портовых построек и техники пробирался к своей цели — восточному мосту через Дон. Но до того, как мотоциклисты смогли пробиться к этому мосту, по которому шла дорога на Батайск, его часть была взорвана и обрушилась в реку. Пока танки подавляли еще отстреливающиеся узлы сопротивления, саперы уже приступили к восстановлению моста.

К этому времени майор Брукс с 1-м батальоном подошел к сильно укрепленному городскому кварталу, в котором находился Главпочтамт и здание управления НКВД. Здесь русские сражались с отчаянным ожесточением, и мотопехотинцы продвигались вперед буквально шаг за шагом.

Ночью Бруксу пришлось выставлять часовых у собственного танка. Было уничтожено несколько диверсионных групп русских подрывников.

В течение 24 июля квартал со зданием Главпочтамта был в конце концов занят. Лишь в многоэтажном здании НКВД продолжали держать оборону засевшие там элитные части.

— Танками их! — предложил Брукс.

Чуть позже сюда подошли танки 22-й танковой дивизии, которые своими орудиями разворотили здание так, что туда во второй половине дня смогли войти мотопехотинцы и после яростной схватки очистить его от неприятеля.

Здесь, в многочисленных пулеметных гнездах, держала оборону сталинская элита, располагавшая громадными запасами бутылок с зажигательной смесью, отсюда вели огонь снайперы войск НКВД. Эти железные солдаты были обучены всем военным хитростям. При малейшей попытке открыть какую-либо дверь взрывались мины, соединенные с дверными ручками. Из всех полуподвальных окон звучали смертельные выстрелы — сквозь огонь, дым,

огненные сполохи пущенных ракет, воюющие очереди зенитных пулеметов и хлесткий грохот противотанковых ружей.

И все же Ростов пал, и 27 июля танки и БТРы 13-й танковой дивизии уже катили по его мостам на юг.

По инициативе Брукса обер-лейтенант фон Газен был представлен к награде, и 21 сентября 1942 года ему был вручен Рыцарский крест.

Началось наступление на Кавказ. Самое непосредственное участие в нем приняли Брукс и его мотопехотинцы. Пока пехота поджидала застрявшие где-то танки, БТРы неслись вперед. В этом походе Брукс наглядно демонстрировал, какие успехи может принести это маневренное ударное оружие при правильном его применении.

1 августа 1942 года 13-я танковая дивизия была снова подчинена III танковому корпусу. По этому поводу генерал фон Макензен сказал:

«После семи месяцев нежеланной разлуки под мое командование была снова передана моя старая испытанная 13-я танковая дивизия. Тем временем, вернувшись из Ростова, куда она вошла передовой дивизией всей армии, она с постоянными боями прошла до города Сальска и навела мост через Сандату²⁴ у селения Николаевка».

Майор Брукс со своими мотопехотинцами устремился дальше на юг. 2 августа они были уже у станицы Ново-Александровской. БТРы преследовали отступающего противника, обгоняли тыловые колонны, пробивали себе дорогу сквозь заслоны и катились по пыльным проселкам к далекой цели.

У Армавира Брукс со своими людьми подошел к реке Кубань. Как только передовые БТРы миновали мост, он перед остальными плотно следующими друг за другом боевыми машинами взлетел в воздух.

– Саперы – вперед! – прозвучал приказ по радио.

К рассвету 5 августа мост для переправы танков уже был навешен. По нему двинулись танки и БТРы, нацеливаясь на позиции противника. Прямо с бортов своих машин мотопехотинцы вели огонь по врагу. Вскоре путь им преградили противотанковые рвы, но солдаты сумели преодолеть их и продолжить наступление.

– Чем скорее мы прорвемся, – сказал тогда генерал-майор Херр, – тем легче будет нам дальше. Враг уже скоро обратится в бегство!

У станицы Курганной они переправились через поднявшуюся Лабу. По переправе ударили русские с позиций на островах в ее течении, разделявших основное русло на несколько протоков. Огонь велся из пулеметных гнезд и траншей. Танки огнем своих орудий подавили сопротивление. К вечеру 8 августа Брукс со своими мотопехотинцами находился уже севернее станицы Дондуковской. Здесь он получил приказ от генерал-майора Херра: любой ценой пробиваться прямо к Майкопу. Там находились управления важнейших нефтяных приисков, а кроме этого, город был оперативной целью III танкового корпуса.

Утром 9 августа БТРы батальона уже шли во главе ударной группы. Перед собой они видели арьергард отступающего врага.

– Вперед, обойти их! – отдал приказ по радио Брукс.

Они нагнали противника и, прибавив ходу, оставили его позади себя. Все выглядело так, словно русские не признали в батальоне своего врага.

Лишь на окраине Майкопа заслоны русских открыли огонь. Ведя огонь с обоих бортов БТРов, мотострелки пробились в город. Ударная группа достигла центра и двинулась дальше.

– Подходим к мосту! – доложили передовые дозоры.

²⁴ С т а л и н о – ныне г. Донецк на Украине.

Сильный огонь из пулеметных гнезд по обе стороны моста обрушился на подошедших мотопехотинцев.

– Первая рота следует по мосту. За ней движется саперный взвод. Обезвредить взрывчатку! Вторая и 3-я роты высаживаются налево и направо и подавляют огонь неприятеля! – последовал приказ.

Мотопехотинцы спешили и принялись штурмовать мост. Рвались гранаты. Майор Брукс слышал щелчки рикошетирующих пуль и свист снарядов противотанковых орудий.

На бегу он дал несколько очередей из своего пистолета-пулемета, затем укрылся за какой-то стеной, сменил опустошенный магазин на полный и побежал вперед. Наперерез ему бросились несколько красноармейцев, но он срезал их одной очередью.

Через несколько минут они уже были на мосту и бежали по нему вперед. Однако подготовленный к взрыву мост был захвачен в целости и сохранности.

– Доложить по радио на командный пункт дивизии: мост через реку в наших руках! Создаем предмостный плацдарм! – приказал Брукс.

Хотя за ними в городе всю ночь не стихала стрельба, майор Брукс со своими людьми удерживал подходы к мосту. Генерал фон Макензен позднее написал об этом сражении в своих мемуарах: «Одним особенно смелым предприятием стало спасение стального моста через реку Майкоп от взрыва, подготовленного русскими».

На следующее утро мотопехотинцы под командованием майора Брукса приступили к расширению плацдарма. Внезапно начался сильный минометный обстрел. Недалеко от майора разорвались подряд несколько мин. Брукс в четвертый раз был ранен осколком мины. Но, несмотря на это ранение, он остался в строю.

Принял участие Брукс и в наступлении на Орджоникидзе, и на Военно-Грузинскую дорогу. Наступление началось 25 октября 1942 года, а 26 октября мотопехотинцы уже были на берегу Старого Терека. На минные поля у Нижнего Терека попало много БТРов. Марш вдоль Терека продолжился наступлением на Псыгансу. 28 октября мотопехотинцы прорвались за Шемгалу.

Германские солдаты подошли к самому сердцу Кавказа.

К вечеру 1 ноября 1942 года 13-я танковая дивизия остановилась всего лишь в пятнадцати километрах от главного города Кавказа. Тем самым они нависли также и над последней трассой противника, проходящей через весь Кавказ, – Военно-Грузинской дорогой. Но 6 ноября вся дивизия неожиданным ударом двух стрелковых корпусов русских была отрезана от своих тылов и лишилась снабжения. После отчаянного сражения мотопехотинцам удалось несколько выправить положение и вздохнуть свободнее. Удары наносились ими во всех направлениях, и майору Бруксу приходилось много раз мгновенно принимать решения, чтобы выходить из опаснейших положений.

9 ноября генералу фон Макензену пришлось отдать дивизии приказ к отступлению. До 10 ноября она отходила по высокогорью от Ниш-Саниба, чтобы 12 ноября снова воссоединиться с корпусом. На этом пути дивизия оказалась менее чем в пяти километрах от Орджоникидзе, после чего за последующие дни на нее четырнадцать раз нападали крупные русские части.

1 января 1943 года Брукс за свои заслуги в предшествующие месяцы был досрочно произведен в подполковники. А за несколько дней до этого он получил под свое командование 66-й мотопехотный полк.

Период постоянного наступления безвозвратно миновал. Дивизии III танкового корпуса в течение тридцати дней отступали совсем недавно пройденной ими же дорогой от Терека до Дона, до плацдарма на Кубани. Понтонный мост у станицы Усть-Лабинской через реку Кубань несколько дней удерживала 13-я танковая дивизия, отбивая атаки подступающего со всех сторон неприятеля и давая своим боевым товарищам возможность перепра-

виться на другой берег. Лишь 30 января все дивизии были выведены с плацдарма, а сам мост взорван.

8 февраля 1943 года подполковник Брукс был награжден золотым Немецким крестом.

Весну и лето 1943 года 13-я танковая дивизия провела в относительном спокойствии в Крыму, где отдохнула и получила пополнение техникой и личным составом. 1 августа 1943 года Альберт Брукс снова, в который уже раз досрочно, был произведен в полковники.

Когда 18 августа 1943 года советская 2-я гвардейская армия совместно с 5-й ударной армией разметала германскую 294-ю пехотную дивизию на пространстве между селением Калиновка и высотой 175,5 и двинулась через эту брешь на запад, 13-я танковая дивизия в спешном порядке, ускоренным маршем была выведена из Крыма. Вместе с приданной ей 259-й стрелковой бригадой танки и БТРы 13-й танковой дивизии ударили во фланг неприятелю. На семь километров углубились они на север, в расположение советских войск, но на этом наступление завершилось. 30 августа дивизии при поддержке пикирующих бомбардировщиков майора Руделя удалось деблокировать окруженную 336-ю пехотную дивизию. Битва на реке Миус клонилась к завершению, когда полковник Брукс снова был ранен, на этот раз тяжело.

Командование 66-м мотопехотным полком принял майор фон Газен, и командовал им всю неделю, успешно отбивая все атаки неприятеля. За это он 3 октября 1943 года стал 38-м германским солдатом, награжденным мечами к Рыцарскому кресту.

В ходе сражения под Мелитополем особо отличился полковник фон Хаке. Он, будучи командиром 4-го танкового полка, своими танками, полевыми орудиями и бронетранспортерами преградил дорогу наступающему врагу и уничтожил 94 советских танка. За эти боевые достижения он был 23 ноября 1943 года награжден Рыцарским крестом.

В январе 1944 года полковник Брукс снова получил под свое командование боевую группу. Ему было поручено прорвать позиции русских южнее города Жашков и, действуя совместно с другой танковой дивизией, расчлнить собранные под Уманью для удара силы русских численностью до нескольких дивизий и уничтожить их.

В ходе ночного марша боевая группа Брукса прошла через два занятых неприятелем села. Фланговая атака русских была отражена, был занят плацдарм для решающего наступления.

Спустя несколько часов боевая группа была окружена неприятельскими войсками. Русские спешно установили минометы, противотанковые орудия и реактивные минометы.

В течение двух дней и ночей русские непрерывно атаковали. Их танки и пехота пытались прорвать оборону боевой группы Брукса – но тщетно.

И снова Бруксу, располагавшему самым минимумом тяжелого вооружения, удалось остановить танковую атаку врага. В распоряжении полковника Брукса имелось лишь несколько противотанковых и полевых орудий. Двое пулеметчиков из мотоциклетного взвода смогли отразить атаку целой роты неприятеля. Один капитан, у которого осколком была оторвана правая рука, должен был по приказу Брукса отправиться в тыл. Офицер отказался выполнить этот приказ. Он пожелал остаться на передовой и продолжал сражаться.

Вклинившийся в оборону боевой группы неприятель был отражен пришедшими на помощь резервами. Все эти дни Брукс своим поведением являл собой пример для своих подчиненных.

На третий день их боевая группа была усилена несколькими приданными танками и смогла прорвать кольцо окружения, нанеся удар на стыке двух неприятельских частей. Собранная под Уманью ударная группировка русских была уничтожена. В ходе дальнейшего сражения этот успех дал возможность осуществить деблокирование окруженных под Черкассами войск.

Но полковник Брукс был тяжело ранен и эвакуирован в глубокий тыл для стационарного лечения. Шестое тяжелое ранение положило конец его боевым подвигам.

24 июня 1944 года за доблесть, проявленную им в январе 1944 года, он стал 504-м германским солдатом, награжденным дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

* * *

АЛЬБЕРТ БРУКС

Родился 11 ноября 1907 года в г. Лаубан (Силезия)

Последнее воинское звание: полковник

Боевые действия: Польша, Франция, Россия

Награды:

Железный крест 2-го класса в сентябре 1939 года

Железный крест 1-го класса в июне 1940 года

Рыцарский крест 17 сентября 1941 года

Золотой Немецкий крест 8 февраля 1943 года

Дубовые листья за № 504 к Рыцарскому кресту 24 июня 1944 года

Золотые нашивки за ранение

Подполковник Георг Файг

Лидер в бою и на марше

– Лес теперь за нашими спинами, и мы как бы стоим на балконе и с волнением в душе смотрим в долину Мааса. Там, внизу, перед нами лежит знаменитый город Седан. По другую сторону Мааса вершины гор Френуа. Далее в утренней дымке можно различить укрепления линии Мажино. Туда и лежит наш путь!

Такой 12 мая 1940 года увидел крепость, которую ему предстояло штурмовать, обер-лейтенант Георг Файг, командир 7-й роты 1-го стрелкового полка.

Мотопехотинцы высаживались с бронетранспортеров. После того как БТРы были как следует замаскированы, а оружие с них снято, 2-й батальон стрелкового полка под командованием майора фон Ягова, развернувшись в широкую линию, двинулся в направлении Седана.

У одной заброшенной каменоломни им пришлось остановиться, поскольку их обстреляла французская артиллерийская батарея. Ранним утром 13 мая батальон двинулся дальше. В окрестностях какой-то фабрики стрелки батальона заняли парк. Они уже почти подошли к берегу Мааса. В 16.00 обер-лейтенант, расслышав приближающийся звук самолетных моторов, отдал своим 120 бойцам приказ приготовиться.

– Наши бомбардировщики и «Штуки» приближаются! – прибавил он.

За Георгом Файгом постоянно следовал барабанщик роты. Вдруг с противоположного берега реки раздался одиночный выстрел, и барабанщик пал мертвым у ног своего командира роты. Словно бы в ответ на это через несколько минут началась бомбежка. Весь мир потонул в грохоте взрывов.

– Укрыться за стеной!

Короткими перебежками пехотинцы добрались до подпорной стенки набережной Мааса. Когда последние пикирующие бомбардировщики сделали заходы на свои цели, Файг отдал новый приказ:

– Вперед – пошел!

Под завывание еще несущихся к земле бомб пехотинцы вскочили на ноги. Обер-лейтенант занял место в первой надувной лодке, в которой должно было переправляться отделение подрывников. Поскорее отойти от берега и пересечь реку!

Перед искусно возведенным на другом берегу Мааса проволочным заграждением им пришлось задержаться.

– Пробить его сосредоточенным зарядом! Прорезать слишком долго!

Один за другим прогремели два взрыва. Бойцы роты ползком двинулись по проделанному взрывами узкому проходу.

Коротким броском прибрежная полоса была преодолена. Минуя близлежащую деревню, бойцы 7-й роты двинулись к линии укреплений. Вот уже пройден и первый бетонный исполин. Никакого огня со стороны противника нет. В этот момент появился майор фон Ягов.

– Отлично, Файг! – только и произнес он.

Новые препятствия замедлили продвижение роты. Неприятель открыл слабый фланговый огонь. Несколько подразделений 1-й танковой дивизии углубились в расположение линии Мажино, обогнули ее укрепления и подошли к ним с тыла.

Гарнизоны укреплений стали выходить из них и сдаваться. Находившаяся в тылу у них французская артиллерия еще вела огонь.

– Следовать через лес к артиллерийским позициям врага! – приказал Файг своим людям.

Рота углубилась в лес и вскоре вышла к артиллерийской батарее французов. Артиллерийская обслуга, увидев их, обратилась в бегство. Подполковник Бальк²⁵, командир полка, подошел к роте Файга и собрал командиров рот для постановки им задачи. Он сказал только следующие слова:

– Мы всего лишь узким конусом углубились в укрепления линии Мажино. Теперь нам предстоит пройти ее всю!

Подполковник Бальк встал во главе пехотинцев, и штурм начался. К полуночи они уже подошли к вершинам возвышенности Шевеж, а потом и Буадела-Марфе. Стрелки заняли весь лесной массив и находились теперь в тылу французской артиллерии. Лишь на следующий день БТРы роты смогли пробраться к отвоеванному плацдарму.

Таким образом, 7-я рота пробила первую брешь в линии Мажино. 22 мая в бою под Девре погиб майор фон Ягов. Командование 2-м батальоном принял капитан доктор Экингер. Файг стал теперь командовать 8-й ротой.

13 июня – через несколько дней после начала второй фазы Французской кампании – авангард усиленной стрелковой бригады подошел к каналу Рейн-Марна. Если бы удалось его преодолеть, то уже бы никто не смог помешать окончательному проникновению германской армии в тыл «линии Мажино». Мост в районе Этрепи – переправа через канал – тем самым становился важнейшим стратегическим пунктом на участке боевых действий дивизии.

Обер-лейтенант Файг со своей 8-й ротой в качестве флангового прикрытия занял позицию вдали от полка. Обер-лейтенант собирался было привести в порядок свою перепачканную форму, да и помыться сам, когда в его роте вдруг сыграли тревогу. Пришлось бегом нестись обратно в расположение роты, и через некоторое время они уже катили по дороге, догоняя ушедший вперед полк. По радио был получен приказ:

– Роте Файга выдвинуться вперед!

Дав полный ход, рота сблизилась с замыкающим колонну 3-м батальоном. Тут же вперед был послан мотоциклист с запросом к командиру батальона:

– Следует ли нам обойти вас?

Ответ майора Рихтера гласил:

– Конечно, Файг, обходите!

– Но что случилось, господин майор? – обгоняя батальон, на ходу спросил Файг.

– Неизвестно расположение неприятеля!

Майор фон Штудниц, командир 1-го батальона, также дал им обогнать свое подразделение и прокричал вслед:

– Файг, ради бога, не несись сломя голову! Будь осторожен!

И все же водитель командирского БТРа нажимал на газ. Они сравнялись с идущим во главе колонны собственным 2-м батальоном, и капитан доктор Экингер крикнул им:

– Файг, займите место в авангарде!

Вот и последний взвод роты обогнал 2-й батальон, 8-я заняла место в авангарде. Впереди лежала ничейная земля. Тут и там виднелись небольшие группки французов. Солнце немилосердно палило с высоты. В воздухе висела пыль. Мимо проехала дребезжащая французская легковушка, в которой сидели четыре человека. Рота продолжала нестись вперед на предельной скорости.

Обер-лейтенант Файг подсел в мотоциклетную коляску связного и поравнялся с передовой машиной. Оттуда снова передали общий приказ:

– Следовать на полной скорости, занимать территорию!

²⁵ Бальк 3 июня 1940 г. был награжден Рыцарским крестом. (Примеч. авт.)

Но Файг все-таки еще не знал, что же было приказано непосредственно ему. Его рота пересекла по мосту какую-то реку, миновала небольшой лесок. С пригорка они заметили какое-то село и двинулись туда. Внезапно по ним открыли огонь. Сильный удар сотряс передний мотоцикл, машина перевернулась. Водитель и командир роты оказались на обочине дороги. Со всех сторон гремели винтовочные выстрелы.

– Лежать! – крикнул обер-лейтенант, когда водитель приподнял было голову, чтобы осмотреться.

Французы продолжали вести огонь. Но здесь подошел первый из БТРов роты и остановился около них. Файг и водитель перебрались под защиту его брони.

– Направо – огонь!

Один за другим БТРы подходили к первому и открывали огонь. Противник отступил обратно в селение, а рота возобновила движение и вошла в Согни. Здесь они наткнулись на три французских орудия на конной тяге. Бойцы завтракали неподалеку. Несколько выстрелов положили конец этой идиллии.

Доктор Экингер и подполковник Бальк догнали передовую группу. Подполковник отдал Файгу такой приказ:

– Целью наступления на сегодня является мост у Этрепи. Полк выделяет для этой цели две усиленные роты, вашу и Рихтхофена. Вам поручается совместно с саперным взводом Вебера внезапным ударом завладеть мостом.

Рота Рихтхофена уже обогнала 8-ю. С марша, после небольшой перестрелки, они пронеслись через местечко Жюссекур, добрались до канала Рейн – Марна, но не смогли завладеть предмостным укреплением.

В это время Файг со своей ротой незамеченным обошел населенный пункт. Когда передовой БТР поравнялся с первыми домами, из него выпрыгнул Файг. Пробежав по сельской улице, он увидел, как сражается рота Рихтхофена.

– Обойти Жюссекур с запада! – отдал он приказ, вернувшись на БТР.

Они выехали на небольшой луг. Здесь Файг велел остановиться и вместе с командиром одного из отделений фельдфебелем Зигристом и его связным ефрейтором Джоккелем прошел опушкой леса к мосту. Когда они подоברались достаточно близко, то смогли рассмотреть, что мост уже подготовлен к взрыву. С обеих сторон моста проходил толстый кабель, скрывающийся куда-то в глубине его конструкций.

Тем временем рота высадилась из БТРов и собралась вокруг своего командира.

– Что, на мост, господин обер-лейтенант? – спросил лейтенант Вебер, командир саперного взвода.

Файг отрицательно покачал головой:

– Слишком опасно! Враг взорвет мост, когда увидит нас на нем. Сделаем по-другому. Взвод Гуерке будет нас прикрывать!

В первой лодке, которая пересекла реку, следовал и обер-лейтенант Файг. На противоположном берегу реки он вместе со своими людьми подобрался к другому концу моста. Здесь они наткнулись на группу из примерно 200 солдат колониальных войск, которые тотчас же сдались в плен. Взвод Гуерке находился теперь на северном берегу реки, а Файг со своими людьми – на южном. Спустя несколько минут лейтенант Вебер перерезал кабель, ведущий к взрывателю. После этого он и лейтенант фон Гризхайм поднялись на мост и невредимыми пересекли мост. Но на оставленной ими стороне моста взорвалась заложенная на подходе к нему мина, и офицеров задело осколками. Взвод Гуерке также пересек реку по мосту. Рота под командованием Файга сделала это, не потеряв ни одного человека.

Георг Файг родился 27 февраля 1899 года в Аннаберге в Саксонии. Там он пошел в народную школу, а потом учился в коммерческом училище, в котором и получил аттестат

зрелости. В 1916 году он стал коммерческим сотрудником в предприятии по производству позументов, а позднее руководителем крупной компании, производящей игрушки. 21 июня 1917 года в составе 101-го гренадерского полка он участвовал в кампании во Франции. Там 12 сентября 1918 года он был награжден Железным крестом 2-го класса.

В 1934 году он участвовал в учениях 11-го и 10-го пехотных полков, а годом позднее — уже в звании ефрейтора — в учениях 1-го стрелкового полка недавно созданной 1-й танковой дивизии.

В 1937 году Файг стал унтер-офицером, а спустя несколько месяцев ему было присвоено звание фельдфебеля. После следующих учений, состоявшихся в 1938 году под Веймаром, он был представлен к званию лейтенанта и остался в армии уже в качестве профессионального солдата.

В Польше лейтенант Файг командовал взводом 1-й роты, а позднее стал командиром взвода 8-й роты 1-го стрелкового полка. Во время кампании во Франции он был уже обер-лейтенантом и командиром этой роты. За захват моста в Этрепи он 1 ноября 1940 года был награжден медалью за доблесть.

Весной 1941 года в городе Алленштейне²⁶ на основе 1-го стрелкового полка были сформированы 1-й и 113-й мотопехотные полки. Обер-лейтенант Файг стал командиром 3-й роты 113-го мотопехотного полка.

20 июня 1941 года Файг верхом на велосипеде в крестьянской одежде и с граблями в руках перешел границу с СССР для рекогносцировки на местности будущих боев.

3-я рота шла во главе ударной группы на левом фланге дивизии. Вместе с ней двигались рота танков, батарея артиллерийских орудий, саперный взвод и взвод связи. Целью этой ударной группы был выход на рубеж Юры²⁷ западнее Таурогена²⁸.

В ночь на 22 июня рота Файга подтянулась на расстояние 200 метров от границы и выставила часовых на всех направлениях. Никто не спал. Все солдаты находились поблизости от своих машин. Незадолго до наступления вперед ушел разведывательный дозор. В здании советской таможни никого не было.

— Приготовиться! — вполголоса скомандовал обер-лейтенант Файг, когда до трех часов осталась одна минута.

Через пять минут 3-я рота пришла в движение. Война с СССР началась. Сзади захлопали выстрелы минометной батареи, грохот разрывов разорвал тишину ночи.

Стальной лавиной понеслись мотопехотинцы на своих БТРах через границу в направлении на Штирбартай и Кельмине. Их встретил сильный винтовочный огонь. Одна пуля сбила с сиденья мотоцикла его водителя, унтер-офицера Штурма. Он стал первым погибшим в войне против России солдатом роты.

Когда рассвело, сопротивление неприятеля возросло еще больше. Открыла огонь русская артиллерия. Рота форсировала небольшую речушку Эзеруна и преодолела вырытый на ее берегу противотанковый ров. Пройдя местечко Будвечай, она устремилась на Дапкинскую.

И тут внезапно разверзся настоящий ад. Несколько залпов русских орудий остановили несущиеся БТРы. Несколько устремившихся навстречу немецких танков застряли в болоте.

— Спешиться!

Растянувшись широкой линией, рота наступала к реке. В речной низине и на противоположном возвышенном берегу Файг различил позиции неприятеля. Обнаружились также и позиции русских корректировщиков артиллерийского огня.

²⁶ А л л е н ш т е й н — ныне г. Ольштын в Польше.

²⁷ Ю р а — река в Литве.

²⁸ Т а у р о г г е н — ныне г. Таураге в Литве.

– По корректировщикам – огонь!

Разом ударили пулеметы, загрохотали танковые орудия. В трясине застряли еще несколько БТРов. Доты и полевые укрытия русских были обстреляны и выведены из строя. Первые танки пересекли низину, форсировали реку вброд и достигли противоположного берега.

Батальон Экингера направился к следующей промежуточной цели и скрылся в густом лесу. Через рацию артиллерийской батареи обер-лейтенант получил приказ действовать в ходе дальнейшего наступления автономно и занять вокзал в населенном пункте.

Рота вслед за танками прошла Юру и широким фронтом продолжила свой путь. Внезапно навстречу ей поплыли клубы дыма. Тауроген был объят пламенем пожаров. Рация ожила.

– Говорит Экингер, здесь Экингер – Файг, ответьте!

Файг ответил на вызов и услышал вопрос:

– Где находится авангард? Авангард, стой!

Вскоре командир батальона с шумом подкатил к ним на своем БТРе и тут же набросился на командира роты:

– Файг, что вы здесь делаете? Что вам там надо?

Последний с улыбкой отвечал:

– А батальон идет за вами?

Командир батальона яростно прорычал:

– Он куда-то пропал!

– Надеюсь, он не повернул обратно к границе, – пробормотал Файг.

Они вместе продолжили путь к вокзалу и добрались до него, не вступив в контакт с неприятелем. Оказалось, что вокзал представляет собой станцию выгрузки для полевого лагеря русских. Уходя, русские подожгли его, отсюда и неслись клубы дыма.

В ходе дальнейшего сражения за Тауроген Файг получил приказ: пробиться на большую городскую улицу, переходящую в шоссе, уходящую на северо-восток. Здесь они снова попали под артиллерийский обстрел. Эту батарею удалось подавить только с помощью танков первого взвода под командованием майора Грампе. Первый день войны с Россией подошел к концу. Даже пропавший было батальон снова объявился.

В последующие недели 1-я танковая дивизия следовала предписанным ей маршрутом. Под Ленинградом она была выведена из группы армий «Север» и передана в распоряжение группы армий «Центр», в составе которой должна была занять позиции для наступления на Москву.

Наступление началось в 6.15 часов утра 2 октября 1941 года. Спустя десять дней, в воскресенье 12 октября, дивизия подошла к Волге в районе Старицы. В авангарде ударной группы фон Хейдебрандта шла 3-я рота 113-го мотопехотного полка под командованием Файга и 3-я танковая рота 1-го танкового полка под командованием капитана графа фон дер Шуленбурга²⁹, двигаясь в направлении Погорелое – Городище. Об этом отчаянном рейде Файг впоследствии оставил следующие воспоминания:

«С вершины небольшого холма мы наблюдали, как внизу у Волги танковые экипажи русских приводят в порядок свои боевые машины. Вскоре мы дали им понять, чтобы они пошевеливались побыстрее. Наш снаряд никого не задел, но экипажи тут же сбежали.

Мы решили отдохнуть и как могли расположились вздремнуть в наших БТРах, но вскоре были самым невежливым образом разбужены. Экингер подозревал меня и сказал:

– Снимайтесь и двигайте вперед!

– Но в каком направлении и с каким заданием?

²⁹ Шуленбург – бывший посол Германии в Москве.

– Понятия не имею, но двигайтесь отсюда!

Взмахом руки он задал мне направление движения. Через краткое время мы уже были в пути. Пройдя несколько километров по шоссе, мы миновали Старицу и заметили справа за ней небольшой аэродром. Две-три воздушные машины русских успели с него взлететь. Все остальные мы захватили в качестве трофеев. Около 16 часов другой полк нашей дивизии взял Старицу. Мы не стали им мешать и двинулись дальше. Нам предстояло захватить крупный железнодорожный узел северо-восточнее Москвы. Особенно ценным в нем был железнодорожный мост через Волгу у Калинина. Это нам вполне удалось. От столицы русских нас отделяло теперь около восьмидесяти километров.

Снова взревели моторы, дивизия пришла в движение. Моя рота – к этому времени в ней осталось только четыре танка Т-III под командованием лейтенанта Отто да небезызвестного Штриппеля³⁰ – шла во главе.

Поскольку в это время темнело уже около 17 часов, мы думали, что в этот день нам не придется двигаться дальше. Но реальность оказалась совершенно иной. Темп нашего движения только ускорился. Русские, находившиеся в леске, нас больше не беспокоили, поскольку за нами следовала армада Эккингера. В сумерках мы могли еще видеть. Но что это там впереди?

Русские! Колонна автомобилей с крупными красными крестами на бортах. Мы поспешили остановиться и пропустить ее мимо себя. Немного погодя перед нами снова появилась колонна, на этот раз с тяжелыми орудиями на прицепе. Вперед и за ними!

Словно мы были санитарными автомобилями, мы проехали мимо артиллерийской колонны и остановили передовую машину. Здесь нас догнал приказ по радио:

– Как можно скорее захватить мост!

Между тем сильно стемнело. Мы все еще двигались. Ранее катившиеся по полю слева и справа от нас танки выбрались на шоссе. Мы следовали вперед со смешанными чувствами. Все чаще и чаще мы делали короткие остановки, чтобы осмотреться и хоть как-то определиться в ночной темноте.

Впереди снова какой-то шум! Лошадиный топот – все ближе и ближе к нам!

Мы обогнали колонну русской пехоты, с повозками, в которые были запряжены лошади, и автомобилями с боеприпасами, с полевыми кухнями, в которых на ходу готовилась еда. Грузовикам и повозкам не было конца. Русские шли и шли мимо нас. Начался хаос, беспорядок был неописуем. Туда, где встала, перегородив всю дорогу, одна автомашина, подъехал танк и столкнул ее на обочину. На мой БТР забрались четверо русских. Остальной путь им пришлось проделать с нами уже в качестве военнопленных.

Дальше мы следовали в самой гуще советских войск. Перед моей головной машиной двигалась какая-то русская часть, непосредственно за мной – русский грузовик. Сердце трепыхалось у меня в груди, и я отдал по радио приказ:

– Выключить свет! Не стрелять, не разговаривать!

Далеко позади следовавшие за нами подразделения вели перестрелку с русскими, но вокруг нас все было относительно тихо, при остановках красноармейцы проходили мимо наших БТРов, в темноте не обращая на нас никакого внимания. Когда Эккингер запросил нас по рации: «Кто следует впереди?», мы ответили ему:

– Русские!

Мы миновали населенные пункты Зашейково и Спасское. Когда какая-либо машина, выйдя из строя, перегораживала всем путь, вступали в дело наши танки и расчищали дорогу. И русские воспринимали это как само собой разумеющееся дело. Нас по-прежнему никто не

³⁰ Ганс Штриппель, будучи обер-фельдфебелем в 1-м танковом полку, был 26 января 1943 г. награжден Рыцарским крестом, а 4 июня 1944 г. стал 485-м солдатом, награжденным дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. (Примеч. авт.)

опознавал, и мы все так же продвигались вперед в темноте этой ночи. Остановиться мы не могли, потому что русские энергично подпирали нас сзади. Экингер снова и снова запрашивал нас по радио:

– Где вы находитесь?

Этого мы не знали. Во всяком случае, мы двигались по шоссе к Калинин. Внезапно вспыхнувшие прожектора зенитных батарей, расположенных вокруг города Калинина, помогли нам определиться: мы были примерно в десяти километрах от города и от железнодорожного моста.

Колонна миновала вытянувшееся вдоль шоссе село Даниловское. На его окраине при въезде слева и справа маршировала русская пехота, так что мы оказались в самой середине, окруженные со всех сторон неприятелем. Теперь требовалось только одно – сохранить крепкие нервы и сообразить, что же нам делать дальше.

Следовать и дальше к Калинин было самоубийственно, и я решил вырваться из колонны направо на становящейся все более широкой деревенской улице и расположиться за избами. По радиации отдал приказ:

– Проследовать до северного выезда из Даниловского и остановиться. Быстро спешиться!

Когда русская пехота закончила прохождение, мы вырвались из колонны, и все прошло удачно. Никто не обращал на нас никакого внимания. Вскоре из темноты к нам подъехал капитан Экингер.

– Ну и повезло же нам! – сказал он, подавив, казалось, само собой разумеющийся смех.

В ходе этого ночного броска были взяты: 1 танк, 47 тракторов, 13 орудий, 525 грузовиков, 15 прицепов, 3 полевые кухни, 54 гужевые подводы, 11 легковых машин и 150 пленных».

Так описал этот ночной марш в неизвестность обер-лейтенант Файг.

Он повествует также о приказе, отданном Экингером на следующее утро:

– Всем спешиться! Наступать будем пешим строем! Наши БТРы нам доставят позднее, это сделает Файг, потому что должен же он отдохнуть. Обер-лейтенант Кёрбер примет командование над ротой Файга.

– Однако я, – возразил Файг, – совершенно с этим не согласен. Я уже сжился со своей ротой.

Таким образом, и в этот день Файг принял участие в главном сражении. Вместе с майором доктором Экингером и своей ротой он встал в арьергарде ударной группы. Они двигались через небольшой лесок, который находился справа от большого шоссе, ведущего на Калинин. Вскоре перед ними заплескала свои воды Волга.

На этот раз Файг продвигался вперед недостаточно быстро. Поэтому он оторвался от своего командира и оказался неподалеку от того места, где авангардом расположились мотопехотинцы соседнего полка под командованием обер-лейтенанта фон Бубенхайма. Там он переговорил с Бубенхаймом и пробрался к двум мотопехотинцам, которые занимали передовой пост.

– Что случилось, почему вы так осторожничаете? – спросил он их. – Слушайте, я быстро пройду вперед. А когда вернусь, не вздумайте открыть по мне огонь, ясно?

И он в одиночку двинулся через лес вперед. С опушки леса он увидел вдали перед собой силуэты окраинных домов Калинина. Несколько ближе различалось строение лесопилки, к которой он после краткого размышления и подобрался.

Внезапно метрах в двухстах он заметил два русских орудия. Стволы их были направлены в сторону шоссе, проходящего через Даниловское. На открытом месте располагался авиационный пулемет, рядом с ним курили два красноармейца. Файг разведал вполне достаточно и быстро вернулся назад к роте Бубенхайма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.